

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1917–1922 гг.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)».

Вопросы материального и социального обеспечения командных кадров противоборствующих сторон в условиях голода, разрухи и ожесточенной Гражданской войны играли немалую роль и могли влиять на жизненные обстоятельства того или иного офицера. Вместе с тем, материальный достаток в такой обстановке представляется категорией довольно условной, поскольку порой за обесценившиеся деньги ничего нельзя было купить, а распространялся натуральный обмен.

К сожалению, существующие на сегодня подходы к изучению этого вопроса трудно признать удовлетворительными. Так, советский военный историк А.Г. Кавтарадзе, проанализировав 71 послужной список генералов и офицеров, входивших в руководство Добровольческой армии, установил, что у подавляющего большинства из них не было недвижимого имущества, а из потомственных дворян происходил только 21% офицеров¹. Из этого делался важный в идеологическом отношении для конца 1980-х гг. вывод, что руководители контрреволюции не были помещиками и капиталистами.

Действительно, белое командование, в основном, представляло категорию людей, посвятивших свою жизнь военной службе, самостоятельно прошедших весь путь от младших офицерских чинов и, как правило, живших только на жалованье и не обеспеченных материально. Однако массовый анализ послужных списков офицеров русской армии показывает, что на самом деле отсутствие указания на недвижимое имущество может ни о чем не говорить, т.к. это была лишь стандартная и широко распространенная формулировка, а реальное имущественное положение офицеров учитывалось далеко не всегда. Многие офицеры, не обладавшие таким имуществом, отнюдь не являлись выходцами из низов или людьми несостоятельными. Например, подобная запись присутствует и в послужном списке барона П.Н. Врангеля, принадлежавшего к богатому аристократическому роду. При этом у Врангеля было имение в Минской губернии, а у его супруги – в Крыму. Если же следовать букве послужного списка, знаменитый «черный барон» может считаться безземельным. Аналогичная ситуация и с активно участвовавшим в политической деятельности генштабистом Б.А. Энгельгардтом, в послужном списке которого также значится, что недвижимого имущества он не имел, тогда как на самом деле Энгельгардт вместе с братьями владел имением Буда в Могилевской губернии.

Явным искажением исторической правды являются попытки отдельных недобросовестных авторов свести все мотивы участия офицеров в Гражданской войне исключительно к материальным и корыстным и подтасовывать факты под такую теорию. Подобный ущербный подход нельзя расценить иначе, как

¹ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 36–37, 227–230.

откровенно русофобскую фальсификацию нашего прошлого и намеренное очернительство русского офицерства¹.

Попробуем непредвзято разобраться в роли материального и бытового факторов жизни и службы генштабистов эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Источниковая база по данному вопросу весьма представительна, поскольку финансовые документы по вполне понятным причинам традиционно сохраняются лучше многих других.

Каково было материальное положение офицеров Генерального штаба до 1917 г.? Генштабисты являлись элитой старой армии, однако их материальное положение варьировалось в зависимости от званий и должностей. Так, годовое жалованье генералов на 1 июня 1907 г. составляло 2100 руб., генерал-лейтенантов – 1800 руб., генерал-майоров – 1500 руб., полковников – 1200 руб., подполковников – 1080 руб., капитанов – 900 руб., штабс-капитанов – 780 руб.² Даже годовое жалованье штабс-капитанов примерно вдвое превышало годовой оклад учителей начальных школ. Помимо этого офицерам полагались дополнительные выплаты и пособия, прежде всего, столовые и квартирные. Практиковались и иные выплаты. Так, на обзаведение лошадью со всей сбруей в конце XIX – начале XX в. выдавалось 300 руб. Некоторые офицеры получали средства на прислугу в размере 10 руб. в месяц³.

Что могли позволить себе генштабисты на получаемые выплаты? Думается, очень многое. Питаться месяц, ни в чем себе не отказывая, можно было в пределах 55–60 руб. (завтрак в 1912 г. мог стоить 50 коп.)⁴. Снять комнату можно было за 25 руб. Пуд пшеничной муки стоил 2,5 руб., мешок картофеля 1 руб., фунт мяса 10–12 коп., бутылка водки 30 коп., бутылка коньяка 1,5 руб., пара ботинок 5–8 руб., пара яловых сапог 7 руб. Зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 руб. (средний заработок – 32 руб.⁵), служащего – 85,5 руб. В войну цены несколько изменились. Дюжина лезвий для бритвы «Жилетт» стоила в 1915 г. около 2 руб. Пара простых сапог в 1916-м – 5 руб., шапка – 1 руб. 40 коп.

Лучше всего были материально обеспечены генштабисты, находившиеся в зарубежных командировках. Так, например, находившийся в заграничной командировке генерал Я.Г. Жилинский на май 1916 г. получал 2100 руб. годового жалованья, 3500 руб. столовых, 6040 руб. прибавочных, 360 руб. разъездных, 2330 руб. квартирных, а также по 500 руб. в месяц на представительство и суточные по 45 франков.⁶ Итого 20 330 руб. и по 45 франков в сутки. Жалованье военного агента во Франции в январе 1916 г. составляло 2250 руб. в год, 5250 руб. столовых, 1800 руб. квартирных, 1050 руб. на служебные расходы, 750 руб. на разъезды. Итого 11 100 руб.⁷

Командир корпуса в чине генерал-лейтенанта в 1917 г. получал 2472 руб. годового содержания, 5700 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 7300 руб. полевых порционных денег, 2400 руб. фуражных (учитывалось количество лоша-

¹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. Одним из многочисленных проявлений оригинальных исследовательских способностей данного автора применительно к материальному обеспечению генштабистов является то, что он сопоставляет оклады военспецов, ссылаясь на «Толковый словарь русского языка» (Там же. С. 703), при этом сравнение окладов военспецов РККА и офицеров старой армии делается совершенно без понимания того, что речь идет о разных денежных единицах (Там же. С. 135). Наш критический разбор см.: Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111; Он же. О книге В.В. Каминского «Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии» // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 514–536.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 686об. Подробнее см.: Малинко В.И., Голосов В.П. Справочная книжка для офицеров. Ч. 1. М., 1902.

³ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 115.

⁴ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 141.

⁵ Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. Л. 872 (Архив семьи Снесаревых).

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1351. Л. 29.

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1353. Л. 9.

дей), 144 руб. на дрова для варки пищи. Итого 18 256 руб. Также выплачивалось 90 руб. на дрова для отопления и 20 руб. на освещение. Полный генерал получал жалованья на 468 руб. больше. Начальник штаба корпуса мог получать годовое жалованье в размере 2014 руб., 3000 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 3650 руб. полевых порционных, 900 руб. суточных дополнительно, 2280 руб. фуражных, 432 руб. на дрова. Итого 12 516 руб.¹

Начальник штаба ополченческого корпуса, генерал-майор Генштаба, на ноябрь 1917 г. мог получать 1500 руб. жалованья, 3000 руб. столовых и 1034 руб. квартирных². Начальник штаба пехотной дивизии, полковник Генштаба, в начале 1915 г. мог получать 1536 руб. жалованья, а всего 3718 руб. в год³. Работник ГУГШ в звании полковника Генштаба в начале 1917 г. получал 1000 руб. оклада и столько же столовых, а также 500 руб. квартирных. Всего 2500 руб. в год⁴. Кроме того, полковник Генштаба в 1917 г. мог получать 2700 руб. столовых⁵. Начальник Главного штаба А.П. Архангельский на январь 1918 г. получал 4000 руб. жалованья и 4000 руб. в год столовых⁶. Капитан Генштаба на должности и.д. штаб-офицера для поручений при штабе армии в октябре 1915 г. получал 1080 руб. жалованья в год, 600 руб. столовых и 360 руб. добавочных⁷. И.д. помощника начальника оперативного отделения штаба армии получал 948 руб. в год, 600 руб. столовых, 480 руб. добавочных, полевые порции по 4 руб. в сутки и фуражные деньги на 2 лошадей⁸. Младший штаб-офицер, окончивший академию до 1912 г. – 600 руб.⁹

Слушателям ускоренных курсов Военной академии старались сохранять более высокое содержание, если они получали таковое ранее, а по новой должности их оклад мог уменьшиться. Начальник штаба военного округа, полковник Генштаба, мог получать в 1917 г. 1200 руб. оклада, 3000 руб. столовых и 500 руб. квартирных¹⁰. В июне 1918 г. на Кавказском фронте, где еще сохранялся дореволюционный уклад службы, и.д. помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего фронтом, подполковник Генштаба получал от 900 до 1080 руб.¹¹

Офицеры старой армии, привыкшие к регулярному получению жалованья и жившие на него, при демобилизации армии в начале 1918 г. в одночасье оказались в ситуации, когда выплата жалованья прекратилась. Ничего другого, кроме как управлять войсками, многие из них делать не умели. Необходимо было устраиваться на службу для того, чтобы как-то прокормить себя и близких. В таких условиях материальное обеспечение службы приобретало жизненно важное значение.

Генерал А. П. Будберг справедливо отметил в своем дневнике 13 декабря 1917 г.: «Сейчас голод даже с руки большевикам, ибо, оставаясь повелителями распределения наличных и притекающих запасов продовольствия, они владеют средством привлечения к себе единомышленников и вольных и невольных прислужников, несравненно более сильным, чем декреты, пропаганда, убеждения и т. п. “Хочешь быть с нами, дадим есть, а не хочешь – пеняй на себя”, – таков сейчас лозунг большевистской политики по отношению ко всему населению. А ведь ради прокормления семьи и просящих есть детей к большевистским ногам склонятся очень многие непреклонные при других обстоятельствах шеи»¹². 16 декабря Будберг записал: «Положение офицеров, лишен-

¹ Дневник А.Е. Снесарева. 1917 г. Л. 275 (Архив семьи Снесаревых).

² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 211об.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4747. Л. 20.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 145-351. Л. 12.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 106.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 45-45об.

⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 47-157. Л. 1об.

⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 27об.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1382. Л. 11.

¹⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 145-351. Л. 1об.

¹¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 163.

¹² Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 261.

ных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равносильное голодной смерти, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу»¹. В таком же положении оказались и семьи офицеров. Жены и вдовы офицеров в декабре 1917 г. осаждали советские учреждения в поисках справедливости². Из-за разрухи, развала транспортной системы, дезинтеграции страны цены на продукты в конце 1917 – начале 1918 г. резко возросли. В Крыму офицеру с семьей уже нельзя было прожить на 100 руб. в неделю³. Генерал А. П. Будберг в Петрограде пребывал в полуголодном состоянии, получая в конце 1917 г. четверть фунта хлеба в день. Выживать приходилось, потребляя мерзлый картофель, стоивший 30–40 руб. за пуд (цена постоянно росла). Купить его можно было, заняв очередь с 2–3 часов ночи на морозе⁴. Катастрофичность положения усугублялась разгулом криминала. С национализацией банков офицеры, хранившие там свои сбережения, потеряли их.

2 января 1918 г. был издан приказ наркомата по военным делам об окладах жалованья для военнослужащих. Были отменены гвардейские оклады. Продукты и обмундирование выдавались натурой, но за деньги. Семьи военнослужащих получали паек. Командир корпуса должен был получать теперь ежемесячно 700 руб., начальник дивизии 600 руб., командир полка и бригады 450–500 руб. (большая сумма означала боевой оклад). Преподаватели получали жалованье, исходя из числа штатных часов⁵. В январе 1918 г. в Советской России разрабатывались новые оклады генштабистов, планировалось повышение жалованья на 50%⁶. Однако эти проекты реализованы не были. Но бывшие офицеры Генштаба были признаны специалистами 21 января 1918 г. телеграммой начальника штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича № 225, причем им была установлена 35% надбавка содержания к основному окладу как принудительно задержанным на военной службе. Надбавку упразднили в апреле 1918 г.

Достаточно отдельных примеров тяжелого семейного и имущественного положения генштабистов, чтобы составить представление о ситуации по всей корпорации. Бывший член Военного Совета генерал от инфантерии П. А. Гейсман жаловался в июне 1918 г.: «Жить без жалования или пенсии в высшей степени трудно, если не сказать хуже»⁷. Поступивший на украинскую военную службу Генштаба полковник Н. Г. Загнеев, находившийся с 1914 г. в плену, не имел ни недвижимости, ни средств, но должен был содержать 80-летнюю мать и больную жену с парализованной с 1917 г. правой рукой⁸. Дабы свести концы с концами, Загнеев просил об устройстве на украинскую службу. Генштаба генерал-майор А. М. Заболотный приехал на Украину из голодной Москвы. Рассуждая о своем тяжелом материальном положении, офицер отмечал, что суточных в 25 руб. недостаточно для того, чтобы жить в Киеве, т.к. столько стоило лишь питание, а квартира требовала еще 10 руб. в сутки. Офицер некоторое время оставался безработным, а затем устроился на службу в гетманскую армию. Заболотный писал в июне 1918 г.: «Как это больно сознавать ужас нашего офицерского положения...»⁹. Ходатайствуя о поступлении на службу, он отмечал, что «работать на пользу родного для меня края как местного уроженца и украинца, для меня было

¹ Там же. С. 262.

² Там же. С. 263.

³ *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 92.

⁴ *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 266.

⁵ *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* М., 1942. С. 228–230.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 83.

⁷ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 49об.

⁸ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ). Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 267–267об.

⁹ Там же. Л. 217об.

бы очень приятно, да в этом отношении я и работал еще на фронте и работал активно и продуктивно. К сожалению, это осталось не отмеченным и не поощренным»¹. Офицер резюмировал: «В настоящее время и при мизерном вознаграждении я положительно не в состоянии выполнять работу и жить в Киеве»².

В период отражения немецкого наступления с конца февраля по начало марта 1918 г. личный состав псковских отрядов получал по 10 руб. в сутки, выборные командиры отрядов до 100 штыков – по 12 руб., 100–250 штыков – 15 руб., 250–500 человек – 18 руб., 500–1000 человек – 20 руб., начальник отрядов и его помощник получали по 25 руб.³ Начальник отрядов И.Г. Пехливанов на конец марта получал 700 руб. жалованья, его помощник – 600 руб., кроме того, военспецы получали пособия на покупку седел.⁴

В целях привлечения генштабистов в новую армию разрабатывались различные проекты. В мае 1918 г. видный большевистский военный деятель Н.И. Подвойский предложил при губернских военных комиссариатах сформировать 15% резерв военспецов с оплатой 450–500 руб. в месяц⁵. В мае 1918 г. начальником оперативного отдела штаба западного участка отрядов завесы был разработан проект, предусматривавший привлечение военспецов на службу при помощи жалованья, бесплатного пайка, в том числе членам семьи и бесплатного жилья, т.к. «только материальные преимущества могут до некоторой степени компенсировать те неудобства и тягости службы в отрядах, которые и являются главным препятствием к добровольному замещению свободных вакансий Генштаба»⁶. На этот документ военрук ВВС М. Д. Бонч-Бруевич наложил резолюцию о необходимости зарегистрировать офицеров Генштаба и перейти к системе обязательного назначения зарегистрированных по их специальности. Именно в этом направлении и развивалась постановка учета кадров Генштаба в дальнейшем. «Привлечение на службу путем материальных выгод считаю крайне ненадежным способом комплектования», — справедливо отметил Бонч-Бруевич⁷.

Начальник штаба Северного участка и Петроградского района профессор Б. В. Геруа предлагал в апреле 1918 г.: «1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50% установленных штатами окладов или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалованье невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как н[а]п[ример], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т.д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»⁸.

В Советской России настойчиво проводился в жизнь принцип – кто не работает, тот не ест. Условием получения пайка бывшими офицерами становилось поступление на ту или иную службу. Некоторые современники отмечали значимость вопроса о жалованье в мотивации военспецов-генштабистов. Об этом писал, например, белый разведчик А. А. Борман, по свидетельству которого «офицеры Генерального штаба старались выслужиться в погоне за прибавками»⁹. Однако абсолютизировать эти оценки не стоит.

¹ Там же. Л. 217.

² Там же. Л. 216об.

³ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 55об.

⁷ Там же. Л. 55.

⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 45–45об.

⁹ *Борман А.А.* Москва – 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое (Ленинград). 1991. № 1. С. 140.

В мае 1918 г. в одной из разведсводок Добровольческой армии сообщалось, что «в Москве существует Генеральный штаб, в котором работают «бывшие офицеры Генерального штаба». В погоне за офицерами большевики не жалеют денег на большие оклады»¹. Разумеется, белым было проще объяснить факт поступления на службу большевикам сотен генштабистов материальной заинтересованностью, нежели иными причинами, в т. ч. идейными.

Помимо жалования генштабисты могли рассчитывать на материальную помощь однокашников. Так, 7 мая 1918 г. на заседании членов комитета выпуска 1917 г. было постановлено выдать ссуду бывшему Генштаба капитану Б.Н. Скворцову в размере 350 руб. с условием обязательного ежемесячного погашения по 50 руб.² На 15 июня 1918 г. в капитале взаимопомощи выпуска числилось 413 руб. 92 коп.

В апреле 1918 г. в ГУГШ были установлены следующие оклады:

Таблица 1

Оклады служащих ГУГШ – военных специалистов РККА, апрель 1918 г.³

Должность	Оклад (руб.)
Помощник начальника отдела	840
Начальник отделения	800
Старший делопроизводитель	700
Младший делопроизводитель	600

На местах оклады были намного ниже. В связи с созданием военных округов 20 апреля 1918 г. Троцкий утвердил следующий штат военно-окружного штаба:

Таблица 2

Должности Генштаба по штатам военно-окружного штаба. 20 апреля 1918 г.⁴

Должность (принадлежность к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Начальник штаба (ГШ)	900
Для поручений (2, могут быть ГШ)	700
Начальник административного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий отделом формирования и устройства войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела формирования и устройства войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом подготовки войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела подготовки войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом службы войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела службы войск (2, один может быть ГШ)	550
Начальник мобилизационного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий статистическим отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель статистического отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий мобилизационным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель мобилизационного отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий оперативным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель оперативного отдела (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий разведывательным отделом (ГШ)	700
Делопроизводитель разведывательного отдела (3, один может быть ГШ)	550

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 55.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 54, 98об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 12.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 39-39об.

Подобные оклады сохранялись и летом 1918 г.¹ Делопроизводители в дальнейшем стали начальниками отделений².

4 июня 1918 г. Э.М. Склянским были утверждены новые оклады служащих Всероглавштаба (преемника ГУГШ):

Таблица 3

Оклады военспецов-работников Всероглавштаба. 4 июня 1918 г.³

Должность	Оклад (руб.)
Начальник Всероглавштаба	1000
Товарищ начальника, начальники отделов, генерал-квартирмейстер	900
Помощники начальников отделов, обер-квартирмейстеры	800
Начальники отделений, делопроизводители	700
Помощники начальников отделений, помощники делопроизводителей старшего оклада	600

По данным на июль 1918 г. начальники управлений Всероглавштаба получали по 1000 руб., начальники отделов – по 900 руб., их помощники – по 800 руб., начальники отделений – по 700 руб.⁴ Начальник корпуса военных топографов А. И. Аузан получал 1000 руб., начальники отделов – 900 руб., начальники частей – 800 руб.⁵ Н. М. Потапов как управляющий делами наркомата по военным делам получал 1000 руб., состоявший при нем для поручений А. А. Балтийский получал 800 руб., прикомандированный к Троцкому генштабист В. И. Самуйлов получал 800 руб.⁶ Таким образом, оклад в 1000 руб. в это время являлся одним из наиболее высоких в РККА. Столько же получали инспектора формирований. Военный консультант оперативного отдела наркомата по военным делам получал 800 руб.

В 1918 г. политические комиссары в военных округах получали по 700 руб.⁷ В штабе Орловского военного округа на 1 августа 1918 г. у делопроизводителей отделов существовали оклады в 550 руб. Начальник штаба округа получал 900 руб., начальник административного управления – 800 руб., начальники отделов – по 700 руб.⁸

Несколько особняком стояла бывшая Николаевская военная академия. Оказавшиеся в РККА по инерции как слушатели академии молодые выпускники ускоренных курсов академии Генштаба 2-й очереди весной 1918 г. получили младшие должности в Красной армии с окладом в 500 руб., к этому могло добавляться 35% надбавки и выплачивалось пособие на 2 или 3 месяца. Кроме того, они получали лошадь натурой и деньги на покупку седла по существующим ценам (500 руб.), а также паек по интендантским ценам⁹. Думается, такое обеспечение было весьма серьезным подспорьем для молодежи. Низший оклад в это время составлял 10-12 руб. в сутки¹⁰. 500 руб. получали лица для поручений, 400 руб. – начальники отделений, 350 руб. – их помощники.

В начале 1918 г. 9/10 слушателей академии получали по 400 руб. боевого оклада, а остальные – от 300 до 600 руб.¹¹ Слушатели получали и «керенские

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 152, 163; Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 268.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 41, 44, 55.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 201.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 282, 285, 336.

⁵ Там же. Л. 325.

⁶ Там же. Л. 342.

⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 463. Л. 3.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 309.

⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 15об.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

прибавки» – единовременные пособия на дороговизну в 200-300 руб. и ежемесячно 75–100 руб. Таким образом, в месяц получали от 450 до 700 руб.¹

С 1 апреля 1918 г. по прибытии академии из Петрограда в Екатеринбург оклады были уменьшены с 400 до 350 руб. (поскольку боевые действия считались оконченными, прекратилась выплата боевых окладов). В связи с эвакуацией выплачивались подъемные 200 руб. 3 мая 1918 г. приказом наркомата по военным делам № 316 установлен единый оклад в 550 руб.² Жильем, одеждой и продовольствием слушатели обеспечивали себя самостоятельно.

18 апреля 1918 г. один из слушателей писал председателю комитета слушателей: «В настоящее время просуществовать на такое содержание не представляется возможным. Если жалование рядового красноармейца, состоящего на полном иждивении, увеличено с 50 до 150 руб., а ставки лиц должностных – не специалистов увеличены до 500-800 р., полагаю необходимым просить возбудить ходатайство об установлении... одинакового оклада для всех слушателей, как военных специалистов, в размере ежемесячного оклада в 450 р. для холостых и 550 р. для женатых, на каждого нетрудоспособного члена семьи сверх указанных ставок по 50 р.»³

В обстановке неразберихи, характерной для начала 1918 г., жалованье однако получали не все. Так, выпускник курсов Г. И. Теодори отмечал 6 апреля 1918 г., что «прикомандированные к вверенному мне отделу причисленные к Генеральному штабу специалисты постоянно выполняют различные специальные работы, командировки и другие поручения, связанные с денежными расходами.

С 14 марта они не получали и не получают от штаба никакого денежного содержания, что ставит их всех в крайне тяжелое материальное положение: некоторым уже отказывают от квартир за невзнос платы, некоторые начинают голодать, а причисленный к Генеральному штабу А.Д. Лютов в течение нескольких дней уже голодает. Послать кого-либо в командировку или дать другое поручение нельзя, ибо у командированного нет денег.

Как лицо, коему вверена судьба прикомандированных, полагаю безусловно необходимым немедленно удовлетворить всех их жалованьем, хотя бы по минимальному расчету – 400 рублей в месяц, как значится в имеющихся на руках аттестатах, выданных Николаевской военной академией»⁴.

В дальнейшем размеры жалованья возрастали. Немалую роль в этом сыграл лидер выпуска курсов 2-й очереди Г. И. Теодори. Так, например, он добился того, что прикомандированные к штабам с 14 марта 1918 г. получали по 400 руб. в месяц и 20 руб. суточных⁵.

К концу апреля 1918 г. оклады курсовиков составляли от 626 руб. 67 коп. у прикомандированных к штабам до 1800 руб. Оклады эти считались достаточно хорошими. По штатам, утвержденным Высшим военным советом, ставки должны были составить 550–750 руб. на курсовика⁶. Тем не менее, не всех привлекало даже высокое материальное обеспечение. Так, курсовик Ю. И. Григорьев получил 1200 руб. подъемных, обмундирование и 600 руб. жалованья за март 1918 г., но все равно пожелал уйти со службы по болезни в связи с ранением⁷.

Слушателей нового набора академии большевистские вожди планировали снабдить жалованьем в размере 550 руб. в месяц, тогда как жилье, одежду и продовольствие слушатели обеспечивали самостоятельно⁸. Военком академии с мая 1918 г. получал 500 руб. в месяц⁹, т.е. меньше слушателей. В мае 1918 г.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111об.-113.

⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 109об.

⁶ Там же. Л. 37об.

⁷ Там же. Л. 39, 41.

⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.

⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.

Уральский областной военкомат планировал выплачивать слушателям по 150 руб. за организационную работу¹.

При этом курсовики несли определенные корпоративные расходы. Например, платили взносы в капитал взаимопомощи офицеров Генштаба и на содержание причта Суворовской церкви при академии Генштаба. Ежегодный взнос в капитал составлял 6 руб., взнос на причт Суворовской церкви – 9 руб. Внесение 100 руб. единовременно давало пожизненное членство в капитале с отменой обязательных ежегодных взносов².

В марте 1918 г. за руководство практическими занятиями по тактике платили 3-6 руб., по военной администрации – 2 руб.³ В апреле-мае 1918 г. профессора академии получали по 600 руб., начальник академии – 700 руб., правитель дел, заведующие обучающимися – 450 руб., казначей академии – 350 руб., дворник – 275 руб.⁴ Оклад начальника академии по проекту, датированному 30 апреля 1918 г., намечался в 900 руб.⁵, на июнь 1918 г. он составил 1000 руб. и был приравнен к окладу по должности начальника управления⁶. Правитель дел получал 800 руб., его помощник – 700, ординарный профессор – 900, штатный преподаватель – 700, сторож – 150 руб.⁷ За производство экзаменов в мае 1918 г. выплачивались дополнительные деньги – 50 руб. за экзамен⁸. Профессора за лекции получали по 25 руб., практические занятия оплачивались выше (в июле 1918 г. – 30-45 руб.).

Штат военрука района (отряда) завесы был утвержден Высшим военным советом 28 марта 1918 г. Тогда военрук получал 700 руб., а боевой оклад – 800, помощник военрука – 700 руб. в любое время, начальник штаба – 600 руб., генштабисты для особых поручений – 500-550 руб., начальники отделений – 500 и 550 руб. (боевой оклад)⁹. По мнению консультанта оперативного отдела наркомата по военным делам, изложенному в секретном докладе о состоянии Воронежского района от 21 июня 1918 г., в завесе «обращает внимание полное отсутствие в штабах участков специалистов генерального Штаба, что весьма вредно отражается на элементарной работе штабов»¹⁰. Текст был подчеркнут членом Высшего военного совета К.А. Мехоношиным, который на полях документа набросал: «Мизерные оклады и грубость и подозрительность отд[ельных] лиц мешает набору»¹¹.

Служивший в Петроградском районе П.Н. Буров писал 10 июля 1918 г. начальнику управления по командному составу Всероссийского главного штаба А.П. Архангельскому о своем тяжелом материальном положении: «Вот уже три месяца как я состою на службе в Петроградском районе.

Вывеску меняю еженедельно, а толку до сих пор нет. Нервы треплются без пользы и для себя, и для дела. А главное – нахожусь под непосредственной угрозой голодной смерти. За себя еще не боюсь, но за семью стало положительно страшно.

Если Вы можете мне оказать помощь перебраться на какую-нибудь должность в районе Ярославля – не откажите оказать содействие. С Ливенцовым у меня были хорошие отношения. Если он там еще и у него имеются какие-либо места, думаю – затруднений не будет.

В настоящее время я именуюсь инспектором 1^й инспекции формирования. Но дивизии постепенно отходили от меня, и сейчас пытаются что-то сделать для меня искусственно.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 77.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 117об.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88. Л. 4-4об.

⁴ Там же. Л. 15об., 16об., 19об., 20об., 24об., 51об.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 171.

⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 4-5.

⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 2об.

⁹ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 83. Л. 149.

¹⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 29. Л. 2об.

¹¹ Там же.

Вообще же создавшаяся здесь обстановка стала невыносимо тягостна. Знаю, что и в других местах, вероятно, не лучше, но все же всемерно из Петрограда хочу выехать»¹.

Декретом СНК от 27 июня 1918 г. «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» устанавливались новые нормы оплаты труда. Все советские работники были разделены на четыре группы, внутри каждой из которых делились на категории. К первой группе относились наркомы, руководители учреждений и их самостоятельных подразделений (отделов, отделений, секций), помощники руководителей подразделений, ответственные работники со специальными знаниями, делопроизводители 1-го разряда со знанием иностранных языков, заведующие канцеляриями и т.д. Ко второй группе – служащие со специальными знаниями и опытом, работавшие под руководством ответственных лиц, делопроизводители, преподаватели средних учебных заведений. К третьей группе относились профессиональные рабочие и служащие без специальных знаний. К четвертой группе – начинающие и низовые работники. Очевидно, генштабисты относились к первым двум группам (прежде всего, к первой). Оклад наркомов, заведующих общероссийскими учреждениями, управляющих делами комиссариатов составлял по декрету 800 руб. (1 категория 1 группы), ответственные работники со специальными знаниями, т.е. основная масса генштабистов (2 категория 1 группы), получали 750 руб. От категории к категории оклады уменьшались на 50 руб.

Во второй группе максимальным окладом было 650 руб. Суточные деньги по декрету составляли месячный оклад, деленный на 30, но не менее 20 и не более 40 руб. в сутки. Сверхурочная работа в ночное время и праздники оплачивалась в двойном размере².

Оклады специалистов могли быть увеличены до 1200 руб. в месяц³. Для сравнения наименьший оклад инженера-специалиста в наркомате путей сообщения составлял 1200 руб., а техника – не менее 800 руб. Рабочие в среднем получали на сентябрь 1918 г. 325–350 руб. в месяц, а председатель СНК В.И. Ленин за 1918 г. получал по должности в среднем по 807 руб. в месяц (как и полагалось по декрету от 27 июня 1918 г.)⁴. Несмотря на десятикратный рост суммы, покупательная способность зарплаты рабочих снизилась в сравнении с 1914 г.

Согласно справке отделения по службе Генштаба Всероглавштаба, датированной 15 июля 1918 г., «в настоящее время вопрос о замещении вакантных должностей Генерального штаба принимает очень острое положение, в особенности, в больших городах, где материальные условия жизни чрезвычайно тяжелы.

Обстоятельствами, затрудняющими для большинства лиц Генерального штаба, поступление их вновь на службу, являются, по заявлению большинства 1) маленькие оклады содержания, на которые семейные не могут существовать и 2) неудовлетворительная постановка продовольственного и квартирного вопросов»⁵. Предлагалось в виду роста дороговизны увеличить прибавку к окладам до 50% существующих окладов.

Главный редактор журнала «Военное дело» в составленном проекте штата в мае 1918 г. указал желаемый оклад в 900 руб.⁶ «Лица Генерального штаба», зачислявшиеся в распоряжение начальника Всероглавштаба, получали месячный оклад в 700 руб.⁷ В августе 1919 г. на междуведомственном совещании при Военно-законодательном совете обсуждалось повышение их окладов до 2000 руб. и сохранение прежнего жалованья зачисляемым с фронтовых должностей⁸.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 67-67об.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. М., 1942. С. 644-648.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

⁴ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России. С. 173.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 25. Л. 9.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 90. Л. 4.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 1.

Оклады постепенно возрастали. Военрук участка получал 1000 руб. (К.К. Баиов как военрук Московского района получал 1500 руб.¹), помощник военрука, начальник штаба – 900 руб., начальники отделов – по 800 руб., начальники отделений – по 700 руб., консультанты при штабах озерно-речных флотилий – по 800 руб., начальники дивизий – по 900 руб., начальники штабов дивизий – по 800 руб., командиры бригад – по 800 руб., начальники штабов бригад – 600 руб., помощники начальников штабов дивизий по оперативной части – по 550–600 руб., заведующие оперативной частью неотдельных бригад – по 600 руб.² Такие же оклады сохранялись и летом 1918 г.³ Инспектор формирований получал 1000 руб., состоявшие для поручений при нем – 700 руб.⁴ К осени 1918 г. 700-рублевый оклад стал минимальным для оплаты труда специалистов Генштаба на низших должностях⁵. Находившийся в распоряжении военрука Северного участка отрядов завесы в сентябре 1918 г. Ф.В. Костяев должен был получить 1200 руб. С конца сентября как начальник штаба Северного фронта он получал уже 2500 руб., а с 22 октября как начальник Полевого штаба РВСР – 3500 руб.⁶ Таким образом, за месяц жалование военспеца выросло втрое. Вдвое выросло жалование генштабиста А.К. Малышева, получавшего как начальник штаба войск Петрограда до конца сентября 1918 г. 800 руб., а затем как начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта и для поручений при начальнике Полевого штаба РВСР 1700 руб.

Оклады часто менялись. Так, только в Высшем военном совете летом 1918 г. они изменились трижды в течение одного месяца:

Таблица 4

Изменение должностных окладов военспецов – ответственных сотрудников Высшего военного совета («лиц Генштаба») в 1918 г.⁷

Должность	Оклад (руб.)		
	До 27.06.1918	По приказам Наркомвоен № 679 и 866 и декрету от 27.06.1918	По докладом от 07.07 и 22.07.1918, утвержденным 10.07 и 23.07.1918
Военный руководитель	1000	1200	2000
Помощник военрука	1000	1200	1000
Начальник штаба	1000	1200	1500
Начальник оперативного управления	1000	1200	1000
Начальник военных сообщений	1000	1200	1000
Начальник организационного управления	900	1100	1000
Помощник начальника оперативного управления по оперативной части	800	950	900
Помощник начальника оперативного управления по разведывательной части	800	950	900

Судя по всему, повышение окладов продолжалось и далее. Помощник начальника оперативного управления штаба Высшего военного совета Б.М. Ша-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 436.

² Там же. Л. 272-274.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 324.

⁴ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 202; Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 2; Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 150.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.

⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.; Д. 4. Л. 16-16об.

пошников, по данным на начало сентября 1918 г., получал 1360 руб. С 7 сентября по должности начальника разведывательного отдела оперативного управления штаба РВСР он стал получать 1700 руб.¹

По штату штаба РВСР, утвержденному главкомом И.И. Вацетисом 7 сентября 1918 г., были установлены следующие оклады:

Таблица 5

Оклады «лиц Генштаба» – работников штаба РВСР по штату 7 сентября 1918 г.²

Должность	Оклад (руб.)
Главком	5000
Начальник штаба	3000
Для поручений при начальнике штаба	1700
По части снабжений при начальнике штаба	2000
Начальник оперативного управления	2000
Помощник начальника оперативного управления	1700
Начальник общего отделения	1700
Помощники начальника общего отделения (2, могут быть Генштаба)	1500
Начальник оперативного отдела	1700
Помощники начальника оперативного отдела (3)	1500
Начальник разведывательного отдела	1700
Начальник разведывательного отделения	1700
Помощник начальника разведывательного отделения	1500

В сентябре 1918 г. в штабе РВСР начальники отделов и отделений (Б.М. Шапошников, Ф.Л. Григорьев, М.Н. Земцов) получали жалование в размере 1700 руб.³ Инспектор снабжений Н.А. Сулейман получал 2000 руб.⁴ Оклады инспекторов оставались на этом же уровне, по меньшей мере, до конца года. Комиссары при инспекторах могли получать 1600 руб., т.е. меньше военспецов⁵. В процессе формирования советской Ставки – Полевого штаба РВСР были установлены следующие оклады:

Таблица 6

Оклады работников Полевого штаба РВСР⁶

Должность	Оклад (руб.) в конце 1918–1919 г.
Начальник Полевого штаба	3500
Военный комиссар	2800
Для поручений при начальнике Полевого штаба	2000 (на июль 1919 г. – 3000 руб.)
Для поручений при помощнике начальника Полевого штаба	1700
Начальник оперативного отделения	1700
Помощники начальника оперативного отделения	1700
Начальник общего отделения	1800
Начальник разведывательного отделения	1800
Начальник Регистрационного управления	2000

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 253.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 181-181об.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 13об.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 270об.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 173об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 72, 73, 76-76об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 117. Впрочем, в документах встречаются и более низкие оклады у тех же работников.

Должность	Оклад (руб.) в конце 1918–1919 г.
Консультант управления	2000
Начальник агентурного отдела	2000
Начальник агентурного отделения	1800

20 сентября 1918 г. был издан приказ РВСР, содержащий данные о новых окладах. Согласно приказу командующий армией получал 2500 руб., член РВС армии 1700 руб., начальник штаба армии 2000 руб., его помощник, а также начальник снабжений, начальник военных сообщений, интендант армии – 1700 руб., заведующие отделениями армейских штабов – 1500 руб., их помощники – 1300 руб., делопроизводители – 900 руб. Командиры полков – 1500 руб., командиры батальонов – 1200 руб., командиры эскадронов – 1000 руб., командиры отделений – 600 руб., красноармейцы – 300 руб.¹

Эти оклады намного превышали оклады ответственных гражданских работников и специалистов, установленные ВЦИК 22 сентября 1918 г. и утвержденные декретом СНК от 18 октября 1918 г. (максимальный оклад ответственных руководителей составлял 1000 руб., максимальный оклад служащего со специальными знаниями и опытом – 830 руб.). Но нельзя сказать, чтобы генштабисты особо выделялись по окладам среди специалистов. Сопоставим их оклады с жалованием военных моряков. К примеру, начальник Морского Генерального штаба летом 1918 г. получал 1500 руб., с конца сентября 1918 г. командир корабля 1-го ранга в среднем получал 1650 руб., к началу 1919 г. начальники главных управлений получали по 2700 руб.² Эти суммы вполне сопоставимы с тем, что получали генштабисты по аналогичным должностям в соответствующие периоды.

Находившийся в распоряжении начальника Всероглавштаба и ожидавший назначения на должность И.П. Сытин в сентябре 1918 г. получал 1000 руб. по должности, на которую предназначался (военрук Приволжского военного округа)³. Генштабисты, находившиеся в распоряжении начальников армейских штабов, могли в конце 1918 г. получать оклад в 1700 руб.⁴

Председатель Реввоентрибунала республики получал 2800 руб. в месяц⁵. Сотрудники комиссии по исследованию и использованию опыта войны на 1919 г. имели следующие оклады: председатель комиссии, ответственный редактор, сотрудники-составители – 2200–2700 руб., секретарь и военный картограф – 1800 руб., делопроизводитель – 1240 руб.⁶ Реальные выплаты могли быть ниже, например, при совместительстве, за которое могли удерживать 50% жалования⁷. Так, генштабисту Н.А. Сулейману была предложена должность военного картографа, но с окладом 1060 руб. как совместителю⁸.

Начальник штаба РВСР Н.И. Раттэль получал 3000 руб. в месяц, 9 октября 1918 г. он был назначен начальником Всероглавштаба, но приступил к исполнению обязанностей только 25 октября. Новый оклад Раттэля составил только 1480 руб., что вызвало недовольство военспеца. Тем более, что главком И. И. Вацетис и член РВСР К. Х. Данишевский пообещали ему на словах, что с

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 13-13об.

² Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России. С. 171, 173, 176.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 83-84.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 440.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 111об.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 105об.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 158.

⁸ Там же. Л. 50. Впрочем, по временному штату комиссии на 10 декабря 1918 г. председатель, редакторы и сотрудники-составители получали 1000 руб., а в планах было повышение до 1480 руб., военный картограф получал 700 руб., а намечено было повышение до 1000 руб. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1044. Л. 11). Эти оклады существовали еще с сентября 1918 г. по прежнему штату (Там же. Л. 33).

новым назначением материально Раттэль не пострадает¹. Новый оклад Раттэль испрашивал с 22 октября. Для сравнения предшественник Раттэля на этом посту А.А. Свечин получал 2000 руб. в месяц. В итоге Раттэль добился своего и стал получать 3000 руб. и по новой должности². Любопытно, что военный комиссар Всероглавштаба И.Л. Дзевялтовский имел на декабрь 1918 г. оклад в 1480 руб.³, получая, таким образом, вдвое меньше беспартийного военспеца Раттэля.

Понижение оклада грозило и С.А. Кузнецову. Как начальник оперативного управления Всероглавштаба он получал 1480 руб., однако в результате слияния в ноябре 1918 г. организационного и оперативного управлений Кузнецов стал начальником отдела с окладом 1360 руб. Н.И. Раттэль испрашивал разрешения заместителя председателя РВСР Э.М. Складского на то, чтобы сохранить за Кузнецовым и другими терявшими часть жалованья военспецами прежние оклады с уплатой разницы из двухмиллионного фонда, находящегося в распоряжении Совета Всероглавштаба⁴. На это было получено добро. В декабре 1918 г. оклад начальника Центрального управления военных сообщений бывшего генерала М.М. Загю составлял 2500-2550 руб.⁵

«Лица Генерального штаба», командировавшиеся на фронт (из Москвы или через Москву), в 1918 г. из сумм, имевшихся в распоряжении начальника Всероссийского главного штаба (двухмиллионный кредит⁶), получали у заведующего финотделом наркомата по военным делам подъемное пособие в 2000 руб.⁷ С 3 декабря 1918 г. выплаты пособия⁸, согласно приказу РВСР от 26 декабря 1918 г. выдавалось лишь путевое довольствие⁹. С 30 октября 1918 г. члены комиссий по пересмотру и разработке уставов, занимавшие штатные должности, получали суточные деньги в размере 20 руб.¹⁰ Кроме того, при командировках на фронт практиковалась выдача в дорогу чая, сахара, хлеба и консервов за наличный расчет по установленной норме¹¹.

С 15 ноября 1918 г. начальник оперативного управления штаба фронта получал 2300 руб., начальник оперативного отделения – 1900 руб.¹² Начальник отдела штаба фронта на октябрь 1918 г. получал 2000 руб. в месяц¹³. При этом начальник отдела штаба округа в ноябре 1918 г. получал лишь 848 руб.¹⁴

В армейском звене оклады были следующими. Оклад командующего Западной армией А.Е. Снесарева на декабрь 1918 г. намечался в 3500 руб. (в октябре 1918 г. Снесарев как начальник Западного района обороны получал 1250 руб.¹⁵), члены РВС получали по 2000 руб., военспецы для поручений при командарме – по 1700 руб. (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба), начальник штаба армии получал 2500 руб., для поручений при нем (мог быть Генштаба) – 1500 руб., начальник оперативного управления – 2000 руб., для поручений при нем (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – 1500 руб., начальник оперативного отделения – 1700 руб., помощники (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – 1500 руб.¹⁶ Такие же оклады сохранялись и в начале 1919 г.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 135об.

² Там же. Л. 465.

³ Там же. Л. 461.

⁴ Там же. Л. 428.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 472; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 126об.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 164.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 49.

⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 179.

⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 55.

¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.

¹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 483.

¹² РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 97.

¹⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 24. Л. 12.

¹⁵ Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. Л. 879 (Архив семьи Снесаревых).

¹⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 35.

Начальник отделения штаба армии в декабре 1918 г. мог получать 1500 руб.¹ На апрель 1919 г. начальник оперативного отдела штаба армии получал 1700 руб., генштабист на должности для поручений в штабе армии – 1400 руб. Генштабист на должности для особых поручений в штабе фронта получал уже 2100 руб.² Таким образом, в материальном плане фронтовые штабы были более привлекательным местом службы.

Начальник штаба бригады мог получать в конце 1918 г. 1500 руб., командир бригады – 2000 руб.³ Заведующий командными курсами мог получать в 1919 г. 800 руб., военрук губвоенкомата 1060-1360 руб., а после повышения окладов – 1700 руб.⁴

25 ноября 1918 г. заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским были утверждены новые оклады сотрудникам Всероглавштаба, по которым начальники военно-исторической части, разведывательной части, регистрационной службы получали 800 руб. в месяц, начальник Военно-ученого архива, московского архива, нижегородского архива расформированных частей, хранитель библиотеки получали 700 руб.⁵

Слушатели академии Генштаба РККА на июнь 1919 г. получали 1900 руб. в месяц⁶. Кроме того, они получали вещевое и провиантское довольствие наравне с ротными командирами действующей армии⁷. А.А. Свечин как штатный преподаватель академии получал в начале 1919 г. 2100 руб.⁸ Намного ниже были оклады в Высшей советской школе штабной службы, где заведующий слушателями в 1919 г. получал только 800 руб.⁹

В мае 1919 г. оклады персонала академии Генштаба РККА были повышены. Начальник академии, военком и политком получали 3000 руб., специальные лекторы (ординарные профессора) – по 2800 руб., постоянные преподаватели (экстраординарные профессора) – по 2400 руб., машинист – 920 руб., дворник – 720 руб. (низший оклад)¹⁰.

Неплохие оклады имели военспецы, служившие в Высшей военной инспекции. По штату инспекции на декабрь 1918 г. оклады были следующими:

Таблица 7

Оклады работников Высшей военной инспекции. Декабрь 1918 г.¹¹

Должность (относится ли к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Военрук военного отдела (ГШ)	3500
Помощник военрука военного отдела (ГШ)	3000
Для поручений при нем (ГШ)	1500
Заведующий особым делопроизводством (ГШ)	2500
Старшие помощники заведующего особым делопроизводством (5, в т.ч. 3 ГШ)	2300
Младшие помощники заведующего особым делопроизводством (10, в т.ч. 4 ГШ)	2000
Инспекторы (5, могут быть ГШ, в т.ч. инспектор снабжения – ГШ, инспектор по мобилизации и всеобщему обучению – ГШ, инспектор военных сообщений – ГШ)	2500

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 5.

² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 94.

³ РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 30.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 208.

⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 47.

⁷ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 170об.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

⁹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 38.

¹⁰ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 215-217.

¹¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 387об.-388.

Должность (относится ли к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Заместитель инспектора по мобилизации и всеобщему обучению (ГШ)	2000
Заместитель инспектора военных сообщений (ГШ)	2000
Младшие инспекторы (8, в т.ч. 2 ГШ)	2000
Младшие инструкторы (8, в т.ч. 1 ГШ)	2000
Переписчик	900
Литограф	650

В апреле 1919 г. инспектор пехоты Высшей военной инспекции получал уже 2700 руб.¹ Примерно в это же время председатель местного ревкома мог получать 2000 руб.², продкомиссар уезда – 800 руб., а рабочий в Самаре в январе 1919 г. в среднем получал 394-548 руб. в зависимости от отрасли³. Подобное соотношение ставит резонный вопрос о том, была ли Советская Россия пролетарской диктатурой, коль скоро буржуазные специалисты получали при большевиках в 3-7 раз больше пролетариев и в 2–4 раза больше большевиков. Уже в феврале 1919 г. власть увеличила заработную плату гражданских служащих.

Члены военно-законодательного совета в начале 1919 г. имели оклад в 2700 руб. (для сравнения весной 1918 г. делопроизводитель совета получал 700 руб.⁴), чуть ниже, 2600 руб., был оклад членов высшей аттестационной комиссии, столько же получал помощник военного руководителя округа, генштабисты из управлений Всероглавштаба могли получать 2400 руб., начальник Военно-ученого архива Д.К. Лебедев получал 1800 руб.⁵ К осени 1919 г. как редактор журнала «Военное дело» он получал 2800 руб.⁶

Недостаточным считалось вознаграждение военных специалистов, трудившихся в военно-исторической комиссии. Их жалованье определялось предельным размером оклада в 3000 руб., выше которого они не могли получать жалованья. Для таких видных военных деятелей, как В.Н. Клембовский и Н.М. Потапов надбавка за работу в комиссии в итоге составляла лишь 300 руб. В одном из отчетных документов в этой связи отмечалось: «Несмотря на то, что все сотрудники комиссии объединены горячей и бескорыстной любовью к военно-исторической работе, такое вознаграждение за месячную работу в комиссии и выполнение ответственных историко-научно-литературных работ, едва равное оплате гонорара за 1/4 листа по профессиональным ставкам, не может быть признано нормальным⁷. При существующей дороговизне жизни и бесплатности, по существу, работ в комиссии, замечается усиленное стремление сотрудников к журнальной и военно-педагогической деятельности, оплачиваемым⁸ гораздо выше. Такое стремление, правда, вносит большой вклад в общую работу нашего военного строительства, но увлечение им не может не отразиться в невыгодную сторону на особых задачах комиссии»⁹.

Рассмотрим материальное положение тех лиц, которые изменили Советской власти и перешли на сторону антибольшевистских сил или просто бежали

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 254. Л. 1.

² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.

³ Тишкина А.В. Товары и цены в Советской России в 1917-1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.

⁴ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

⁶ Там же. Л. 304.

⁷ В документе ошибочно – «нормальной».

⁸ В документе ошибочно – «оплачиваемых».

⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 131.

с советской территории. Этот вопрос крайне интересен и показателен в контексте утверждений отдельных авторов, что подобные изменения могли происходить по материальным соображениям.

Например, в конце сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший Генштаба полковник И.Г. Пехливанов сбежал к белым¹. По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1000 руб.² Как видим, солидный оклад вовсе не предотвратил бегство Пехливанова из РККА, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства.

Бывший Генштаба полковник А.В. Станиславский 22 сентября 1918 г. подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам³, затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Буквально накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта.⁴ Каково же было материальное положение Станиславского накануне бегства? По выявленным нами документам, Станиславский получил жалованье по 1 октября 1918 г., причем был помимо этого удовлетворен двухмесячным окладом в размере 1600 руб. с последующим погашением в течение пяти месяцев путем равномерных вычетов из содержания⁵. Получается, что он бежал, захватив с собой 2780 руб., из которых 1600 должен был возвратить. У белых Станиславский осенью 1919 г. получал месячный оклад в 4000 руб., однако не приходится говорить о том, что офицер, вынужденный скрываться в 1919 г. от красных в Киеве, неоднократно менять фамилию и, в конце концов, срочно бежать, бросив все, с одним только вещмешком⁶, перешел к белым из корысти.

Похожим образом поступил бывший Генштаба полковник барон А. Л. Нолькен, который сбежал, получив у большевиков перед этим 1060 руб. жалованья по 1 октября 1918 г. и двухмесячный оклад в размере 1400 руб. с таким же последующим погашением в течение пяти месяцев⁷. Для идейных противников большевиков – белых подпольщиков в РККА максимальное ослабление большевиков, в т.ч. путем хищения у них крупных денежных средств, было проявлением доблести и, во всяком случае, казалось немалым успехом. При этом материальные вопросы для офицеров, подвергавших себя и своих близких (памятуя о декларированной большевиками угрозе заложничества членов семей изменников⁸) смертельному риску, стояли явно не на первом месте.

Бывшим офицерам в Советской России, даже не служившим у большевиков, выплачивались пенсии. Так, бывший генерал В.И. Селивачев через Всероссийский главный штаб добился получения пенсии, начиная с осени 1918 г.⁹ Размер пенсии должен был составить 3600 руб. в год от казны и 859 руб. из эмеритальной кассы. Однако пока решался пенсионный вопрос, чтобы прокормить семью, бывший генерал трудился в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяц¹⁰. Получал пенсию за службу в старой армии в советских условиях в 1918 г. и бывший Генштаба полковник Н.Д. Всеволодов¹¹. По декрету СНК от 14 декабря 1917 г. предельный размер пенсии составлял 3600

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 143.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 49.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 461.

⁶ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 463.

⁸ Подробнее об этом см.: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов - реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70-75; расширенный вариант: Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». Статьи и документы. М., 2013. С. 195-208.

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149-082 (1918 г.). Л. 1, 4, 9, 10-11.

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

¹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. Д. 171887. П/с 145-351. Л. 4об.-5.

руб.¹, при этом пенсии за выслугу лет были отменены. В июле 1918 г. была предпринята попытка приостановить выплату пенсий, что совпадало по времени с декретом о призыве бывших офицеров в РККА. Тем не менее, вмешательство наркома Троцкого предотвратило отмену пенсий и спасло от голодной смерти немало бывших офицеров². 26 апреля 1919 г. пенсии по прежним правилам были отменены и назначались на основании положения СНК от 31 октября 1918 г. только неспособным к труду и не имеющим средств к жизни³.

Проследим дальнейшее изменение материального положения Селивачева. 1 ноября 1918 г. он был принят на службу в Главное управление архивным делом в должности заведующего первым московским отделением третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1000 руб.⁴ С 15 декабря 1918 г. Селивачев возглавил всю 3-ю секцию, а его оклад возрос до 1300 руб. Новая должность давала Селивачеву и ряд других преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачев получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачева следующие «льготы»:

«а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.

б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.

в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми (в документе несогласованно – необходимыми. – А.Г.) для перевозки их мебели и имущества.

г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.

д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»⁵.

Кроме того, Селивачев был отнесен ко второй категории «классового пайка»⁶. Как помощник командующего советским Южным фронтом Селивачев получал оклад в 4000 руб., а с 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады в 6000 руб. Для сравнения командующий армией на июль 1919 г. получал 3500 руб.⁷ В 1922 г. семье Селивачева была установлена усиленная пенсия⁸.

Специалисты Генштаба для особых поручений при командующих армиями получали весной 1919 г. 1700 руб. в месяц. Начальник оперативного управления штаба армии получал 2000 руб.⁹ Реввоенсоветы заботились о том, чтобы жалованье военспецов на новых местах службы было не ниже прежнего. Если оклад по новому месту был ниже, практиковались надбавки до прежнего размера. Так, при переводе В.И. Преображенского с должности начальника оперативного управления штаба 6-й армии на должность для особых поручений при командарме он не потерял 300 руб. разницы, т.к. командование добилось, чтобы жалованье ему выплачивали в размере как для аналогичной должности фронтового уровня¹⁰.

Военспецы в Москве имели широкие возможности для приработка. Так, например, генштабисты, работавшие в комиссии Высшей военной инспекции по проверке Всероглавштаба в феврале-марте 1919 г. получили следующий гонорар:

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 113об.

² РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 46, 46а, 50об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 50.

⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 80.

⁸ Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 208-209.

⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 29.

¹⁰ Там же.

**Гонорар военспецов-генштабистов за работу в комиссии
Высшей военной инспекции по проверке Всероглавштаба.
Февраль – март 1919 г.¹**

Ф.И.О.	Период работы	Гонорар (руб.)
Зайончковский А.М.	11-19.02.1919	360
Оболешев Н.Н.	20.02-31.03.1919	1600
Елизаров Н.С.	15.02-31.03.1919	1800
Грундштрем А.Г.	15.02-11.03.1919	1000
Иванов Б.М.	15.02-31.03.1919	1800
Ягодкин П.Я.	15.02-31.03.1919	1800
Нечволодов А.С.	14-31.03.1919	720

В связи с инфляцией оклады постепенно возрастали. В августе 1919 г. были введены прибавки к вознаграждению генштабистам. С 1 сентября 1919 г. выплачивалось единовременное вознаграждение, а также каждые два месяца надбавки. Высшие должностные лица и начальники управлений получали единовременно 4000 руб., а регулярно – 2500 руб. надбавки, помощники начальников управлений – 3000 и 1700 руб. соответственно, начальники отделений – 2500 и 1500 руб. соответственно, помощники начальников отделений 2000 и 1200 руб. соответственно². Генштабист – начальник отделения в тыловых учреждениях получал 2400 руб., 400 руб. надбавки за переработку, 400 руб. за праздничную работу. Итого 3200 руб. Кроме того, не исключалась возможность приработка в виде преподавания или работы в журналах. В итоге военспец мог получать 6-10 000 руб.

В начале 1920 г. помощник начальника отчетного отдела организационного управления Всероглавштаба получал 4050 руб. в месяц³. Завуч пехотных курсов на октябрь 1920 г. получал 5600 руб.⁴ В феврале 1920 г. за отличную работу и в связи с переводом генштабисту М.Н. Земцову было выдано пособие в размере 20 000 руб.⁵ Даже пленные колчаковские генштабисты, командированные из Сибири в Москву в 1920 г. получали по 1000 руб. на командировку⁶. Н.Н. Петину «за воссоздание штаба Южного фронта, всего полевого управления, за умелую, неутомимую оперативно-административную работу начальника штаба Южфронта» РВС Юго-Западного фронта 11 января 1920 г. постановил выдать 30 000 руб. наградных. Среди подписавших постановление был И.В. Сталин⁷.

Вопросы сохранения имущества для «бывших людей», в том числе офицеров-генштабистов, в Советской России оставались проблемными. Некоторые, как, например, близкий к власти бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, довольно оперативно решали их с помощью административного ресурса. Сохранность имущества Бонч-Бруевича в Чернигове вызывала беспокойство. Тем более, что домашние вещи бывшего генерала в мае 1919 г. были реквизированы. М.Д. Бонч-Бруевич сообщил об этом своему брату Владимиру – управделами СНК, а тот пожаловался председателю СНК В.И. Ленину. В. Д. Бонч-Бруевич 8 мая 1919 г. сообщал брату об итогах прошения: «6/V-19 г. мною было доложено Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г. Чернигове. Председатель Совета Народных Комиссаров тотчас же распоря-

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 294.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 215.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 34.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 462.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 64.

⁶ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 287.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1438. Л. 1. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

дился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целости Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому Исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: «Распоряжение Черниговскому Исполкому о сохранении в целости вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич сделано. Предсовнаркома Раковский». Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»¹. Более того, председатель СНК УССР Х.Г. Раковский поспешил дополнительно телеграфировать Ленину и Бонч-Бруевичу 23 мая 1919 г.: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрчено непроизводительно»².

Однако на столь высокое заступничество мог рассчитывать из всех военспецов-генштабистов, наверное, только один М. Д. Бонч-Бруевич, тесно связанный с большевистской партийной верхушкой. В то же время этот случай наглядно свидетельствует о зарождавшемся в советских условиях неравенстве военспецов – когда у представителей власти появлялись любимчики, приближенные, выдвинутые, на которых не распространялись общие для остальных законы и подходы.

Порой спасала взаимовыручка генштабистов. К примеру, вр.и.д. военного руководителя Высшего военного совета Н.И. Раттэль и остававшийся за начальника организационного управления К.И. Бесядовский 3 сентября 1918 г. просили домком дома № 1 по Борисоглебскому проезду (Елоховская площадь) принять меры к охране имущества генштабиста Н.Г. Семенова, командированного Высшим военным советом по делам службы³.

Некоторые генштабисты служили в РККА исключительно ради жалованья. О таких военспецах писал вр.и.д. главного полевого контролера 11-й армии А.Г. Жожикашвили в ЦК РКП(б) в июле 1919 г.: «Погоня за гонораром – это характерная черта военных учреждений, как фронта, так и XI отдельной армии»⁴.

Бывший начальник Всероссийского главного штаба Н.Н. Стогов, устроившись в Главное управление архивным делом, получал в конце 1918 г. 940 руб., а затем 1200 руб., причем ранее – на военной службе – его оклад составлял 1480 руб. в месяц⁵. Оклад в 1200 руб. получали на советской архивной службе и такие генштабисты, как А.Н. Апухтин, А.И. Верховский, Н.П. Михневич⁶. А.М. Зайончковский как делопроизводитель Всероглавштаба получал 1430 руб. При этом по месту службы он работал не более двух часов в сутки, а в остальное время трудился дома⁷. По совместительству он значился и на архивном поприще. При этом руководители двух ведомств Д.Б. Рязанов и Н.И. Раттэль санкционировали работу военспеца в двух местах с тем, чтобы общий размер его жалованья не превышал 4500 руб. в месяц⁸.

Совокупный месячный доход военспецов-генштабистов на руководящих постах мог быть достаточно высок, хотя и различался порой существенно от военспеца к военспецу. Так, например, служивший начальником управления Всероссийского главного штаба А.М. Мочульский перед арестом в 1920 г. получал 4800 руб. в месяц⁹. Таким же был оклад И.И. Щолокова, занимавшего аналогичный пост¹⁰ и члена военно-законодательного совета Н.А. Бабикова¹¹. Оклад бывшего Генштаба полковника М.Ф. Раевского, служившего в мобилизации

¹ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 91.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 58. Л. 3об.

⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

⁶ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 150об.

⁷ РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1415. Л. 205.

⁸ Там же. Л. 205об.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 332.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 276. Л. 35.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

онном управлении Всероглавштаба, в 1920 г. составлял 4200 руб. в месяц¹. Оклад Л.А. Текелина составлял 3900 руб.² Преподававший на 1-х Московских пехотных курсах П.К. Семенов получал в 1920 г. 2500 руб. и паек³. Г.И. Теодори до ареста в 1919 г. получал 2750 руб. в месяц⁴. Оклад его однокашника В.В. Трофимова в штабе Западного фронта составлял 2100 руб.⁵ Бывший генерал А.А. Поливанов перед арестом в 1919 г. получал 3000 руб. в месяц, переводя книги для наркомата просвещения⁶. Член Особого совещания при главкоме А.Е. Гутор имел оклад в 9000 руб.⁷ А.Н. Ситников по должности помощника начальника штаба Западного фронта в 1921 г. получал 10 200 руб.⁸ Пленный колчаковец Г.В. Леонов, работавший в военно-исторической комиссии, получал 3000 руб.⁹ Другой пленный колчаковец А.И. Мезенцев, преподававший на пехотных курсах, получал 6000 руб.¹⁰ Бывший белый генерал А.П. Перхуров в Советской России пользовался окладом в 5600 руб.¹¹ И.Л. Шукевич по должности начальника штаба стрелковой дивизии в 1920 г. получал 5200 руб.¹² При этом состоявший в такой же должности в Закавказье В.Н. Соколов (бывший генштабист азербайджанской армии) получал 8400 руб. и паек¹³. Очевидно, в связи с инфляцией оклады возрастали. Так, Г.К. Холоманов в 1921 г. получал уже 60-70 000 руб. в месяц¹⁴.

Одним из способов дополнительного заработка было написание статей за гонорар. Так, В.И. Самуйлов за статью «Устройство военного управления» осенью 1920 г. надеялся получить в редакции сборника «Красная армия в революционной войне Советской России» 38 000 руб. из расчета 9500 руб. за печатный лист¹⁵.

Чудовищными были условия быта советских генштабистов, в том числе непосредственно на службе. Весной 1918 г., после переезда военных учреждений из Петрограда в Москву, многие военспецы жили прямо в вагонах, лишь со временем быт служащих центрального аппарата стал налаживаться. На фронтах высокопоставленные работники жили в вагонах на железнодорожных станциях. Если необходимость жить в вагоне отсутствовала, жили при штабах. Генштабист А.А. Самойло вспоминал о своем прибытии на Север России весной 1918 г.: «Архангельск встретил нас на первых порах неприветливо и в смысле погоды и в смысле элементарных бытовых удобств. Мы были помещены в здании бывшей гимназии, в огромном зале, заставленном ученическими партами. Неважным было и отношение к нам как к работникам нового штаба»¹⁶. Ф.Е. Огородников летом 1919 г. поселился в Смоленске и записал: «Отчаянно грязный вонючий номер, с двумя койками... В остальном условия жизни очень хорошие»¹⁷.

Командировки отдельных генштабистов отличались драматизмом. Если высокопоставленные и приближенные к военному и партийному руководству начальники могли позволить себе комфортабельные поездки в собственном вагоне или даже в элитном салон-вагоне, как у главнокомандующего¹⁸ (еще один

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 69.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 38.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 322. Л. 55.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 41; Д. 324. Л. 3.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 115.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 185. Л. 40.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 251. Л. 35.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 211. Л. 110.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 110.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

¹² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 275. Л. 104.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 298.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 267. Л. 11.

¹⁵ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

¹⁶ Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 215.

¹⁷ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

¹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 621.

элемент начинавшегося номенклатурного расслоения советского общества), то простые, не имевшие никаких привилегий военспецы находились в совсем ином положении. Так, сотруднику Высшей военной инспекции С.К. Сидоровнину в 1918 г. приходилось ездить по командировкам почти исключительно в конских вагонах, а в одну из поездок пришлось три недели жить в комнате без стола и стула¹. Не выдержав таких условий, Сидоровнин просил откомандировать его от инспекции на другое место службы.

Генштабисты оперативного отделения штаба 16-й армии в 1919 г. были вынуждены работать в неотопливаемом помещении². Такая же ситуация сложилась и в академии Генштаба РККА, причем заготовкой дров занимались сами слушатели академии. В оперативном отделе оперативного управления Всероглавштаба в июне 1918 г. остро не хватало пишущих машин, необходимых для нормальной работы отдела³.

Отдельные документы о повседневном быте военспецов носят откровенно трагический характер. Например, таким был рапорт, направленный в оперативное управление Всероглавштаба и.д. председателя пограничной конфликтной комиссии № 5 бывшим Генштаба генерал-лейтенантом Н.А. Зарубиным в октябре 1918 г. Военспец писал, что с 19 октября остался единственным работником комиссии, исправлявшим «должность свою Генштаба, секретаря, переводчика, представит[еля] м[инистерства] иностранных дел и фактически посыльного, а ныне еще и председателя; если я отправлюсь в Вятку, то комиссия в Унече de facto и de jure упраздняется до прибытия нового состава, что вряд ли будет скоро; до сих пор желающих занять вакансий нет. На 1 ноября с.г. назначено совместное свидание с немцами по ту сторону границы, отменить которое невыгодно для Советской власти и Республики. Так как я, бывший тайным военным агентом, попутно с[о] своими обязанностями делаю разведку (прилагаю добытые немецкие газеты). Несмотря на труднообразимые условия жизни в Унече (помещение для всего состава комиссии и канцелярии для занятия и жилья – 1 1/2 кв. сажени, отсутствие свечей, лампы, – телеграф прекращает работу при наступлении темноты), невероятное количество клопов, блох, вшей и чрезвычайную дороговизну жизни (селедка – 7 рублей, коробка спичек – 1 руб.) я считаю, что я, будучи пригоден для службы в конфликтной комиссии, обязан в интересах Советской власти доложить, что меня оставить в этом пункте полезно (не для меня лично)... прошу... а) снабдить меня какой-либо теплой одеждой (иначе могу прийти в негодность), сапогами или вообще обувью, б) выдать мне неполученное содержание за службу за этот месяц и какой-либо аванс для личного прокорма и прокорма семьи (старуха-жена и параличная, хромая коленом дочь...)»⁴. В 1919 г. Зарубин, возможно, не выдержав такой жизни и службы, бежал из Советской России через Украину и уехал за рубеж.

Служащие центральных учреждений в Москве и окружных штабах жили на квартирах, в том числе коммунальных. По некоторым данным, соседями по коммуналке недалеко от Гранатного переулка в Москве были братья Раттэли и В.Н. Клембовский⁵. Нельзя не отметить, что в отношении отдельных военспецов большевистское руководство проявляло самую настоящую заботу, в том числе в жилищном вопросе. Например, Л.Д. Троцкий потребовал через Полевой штаб РВСР в июне 1920 г. от командующего армиями Кавказского фронта В.М. тиса «вполне обеспечить В.Н. Клембовского как квартирой, так и прочими дами довольствия, дабы он не чувствовал в этом недостатка»⁶.

В условиях уплотнений и реквизиций имущества военспецы нуждались в защите и обеспечении минимальных потребностей, необходимых для нормального несения службы. Военспецы запасались различными охранными грамота-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 207об.

² РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 163.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 132.

⁵ Сообщено автору внучкой падчерицы В.Н. Клембовского В.В. Степановой (Москва).

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.

ми и удостоверениями. Так, начальник Главного управления военно-учебных заведений В.П. Муратов обладал целым рядом такого рода документов. В августе 1918 г. он получил удостоверение о том, что его квартира не подлежала обыску¹. В октябре 1918 г. он получил удостоверения военно-учебного управления Всероглавштаба о том, что мебель военспеца не подлежала реквизиции, а сам он нуждался в отдельном кабинете для занятий². 1 августа 1919 г. датировано удостоверение Муратова, выданное главным комиссаром военно-учебного управления Всероглавштаба, о том, что занимаемая им квартира «уже уплотнена еще двумя семействами и уплотнению и реквизиции вещей, продовольствия и продуктов не подлежит... В случае необходимости обыска по причинам общего характера прошу отнестись к тов. Муратову и его семье с должным доверием»³. Удостоверения периодически приходилось обновлять. В июле 1920 г. Муратов вновь обзавелся бумагой о том, что ему нужен кабинет для работы и приема посетителей на дому⁴, а в ноябре 1920 г. получил бумагу о том, что ему нужна отдельная комната, в т.ч. для секретности⁵. В 1921 г. Муратов получил удостоверения о том, что нуждался в добавочной комнате помимо нормативной жилплощади⁶. Судя по всему, военспеца на протяжении всей Гражданской войны упорно пытались лишить одной из комнат, в связи с чем приходилось постоянно бороться за свои права. Наконец, 9 апреля 1921 г. Муратову было выдано удостоверение (охранная грамота) за подписью начальника всех военно-учебных заведений Д.А. Петровского о том, что его квартира не подлежала уплотнению семьи и принудительному переселению или выселению. Реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды) воспрещалась. При особой в них нужде право реквизиции принадлежало особой комиссии в составе председателя губисполкома, губсовнархоза и губпродкома при условии уведомления центральных властей⁷. Удостоверение было отпечатано типографским способом. Следовательно, ГУВУЗ так защищал многих своих сотрудников. В общей сложности Муратов занимал на 1921 г. три комнаты. Новые охранные удостоверения на жилье он получил в 1922 г.⁸

О тяжелейших бытовых условиях писал старший делопроизводитель отчетно-организационного отдела организационного управления Всероглавштаба В.Г. Сухов. Получив предписание отправиться на фронт, он обратился 2 января 1919 г. к начальнику отдела с рапортом: «Имея на своем иждивении семью в 8 человек (жену и 7 человек детей в возрасте не старше 13 лет, из них 6 сирот от первого мужа жены, убитого на войне), я, служа в Москве, был в крайне тяжелом материальном положении, тем более, что принужден жить на два дома, так как в моей просьбе об отводе для меня в Москве хотя бы самой маленькой квартиры в 2 комнаты с кухней мне жилищная комиссия отказала, и семья моя ютилась до конца ноября в одной холодной (летней) избе д. Чернобаево Вяземского уезда. В ноябре, заручившись бумагой за подписью начальника и комиссара оперативного управления, я попытался устроить семью в двух комнатах дома отца жены близ д. Чернобаево, но, к сожалению, этим не только не улучшил, а еще более ухудшил ее положение до самых грубых и жестоких издевательств включительно, о чем, дабы еще более не ухудшить положение, я считаю более благоразумным молчать. В виду таких обстоятельств, я решил обратиться с просьбой о переводе меня в провинцию – в один из окружных штабов или на командные курсы заведующим обучением, чтобы иметь возможность вывезти к себе семью; в отделении по службе Генерального штаба я уз-

¹ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

² РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 13-14.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 19-20.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ Там же. Л. 24-25.

нал, что на подобный перевод я рассчитывать не могу; тогда я просил указать, не найдется ли какая-либо тыловая должность на фронте, связанная с продолжительными стоянками на одном месте; мне была указана должность начальника дежурства в Арзамасе вместо Генерального штаба Корсуна, о назначении на которую я и обратился к Вам с просьбой... Принимать же должность в штабе армии я не имею возможности не только по обстоятельствам, связанным с нуждой моей семьи, с чем быть может не положено считаться, но и по состоянию своего здоровья, которое зимой, как это есть теперь, временами совершенно лишает меня возможности работать, что может быть засвидетельствовано медицинской комиссией»¹.

Назначенный на должность для особых поручений при начальнике штаба 6-й армии А.Н. Леонов не мог 15 июля 1919 г. выехать к месту назначения из Ярославля за отсутствием обуви и шинели². По этим же причинам в феврале 1919 г. не мог выехать в штаб Северного фронта освободившийся из-под ареста генштабист В.А. Ивановский³. При этом рамки дозволенного в условиях повсеместного дефицита были достаточно узкими. Когда командующий 6-й армией А.А. Самойло заказал себе кожаную куртку, член РВС 6-й армии А.М. Орехов осудил его за расточительность⁴.

Не менее важным и сложным, чем денежное, квартирное и вещевое обеспечение, было продовольственное обеспечение офицеров и их семей в условиях голода и разрухи. В Советской России этот вопрос решался путем выдачи продовольственного пайка. Однако решен этот вопрос был далеко не сразу. В некоторых случаях из-за бюрократических трудностей военспецы и их близкие могли в прямом смысле обречь на голодную смерть. Начальник штаба 9-й армии А.А. Душкевич в разгар Гражданской войны жаловался председателю РВСР Л.Д. Троцкому: «Уважаемый Тов. Троцкий! Ваше всегда ко мне хорошее отношение дает мне смелость обратиться к Вам с личной просьбой. Семья моя, проживающая в Н[ижнем] Новгороде, терпит большую нужду в смысле получения продовольствия и отопления. Как семье находящегося на фронте Горисполком отказывает во всем, направляя жену в Военком, а в Военкоме, указывая, что я как наштарм не имею права на красноармейское довольствие, установленное для семей, отправляют обратно в Горисполком. В результате нигде ничего не дают. Зная терпеливое отношение жены ко всяким нуждам, я уверен, что только действительно тяжелое положение, в каком оказалась моя семья и обида за такое отношение, заставили ее сообщить мне о своих невзгодах. Моя усиленная к Вам просьба, если найдете возможным, оказать посильное содействие, дабы поставить семью в мало мальски сносные условия жизни и тем дать мне возможность спокойно продолжать мою работу»⁵.

Паек (на фронте – фунт хлеба в сутки) не избавлял от полуголодного существования. Так, по свидетельству военного руководителя Западного участка отрядов завесы бывшего Генштаба генерал-лейтенанта В.Н. Егорьева, штаб завесы в Калуге в июне 1918 г. голодал, сотрудники не получали хлеба, которого не было ни в штабе, ни в городе⁶. Штабы отрядов завесы и дивизий были обеспечены еще хуже, вынуждены были заниматься меновой торговлей. Сам Егорьев, по его словам, занялся мешочничеством – купил в Воронеже 38 вагонов муки для доставки в калужский штаб, но купленное было изъято в Москве, а до Калуги удалось довести только три вагона⁷.

Красноармейский паек работникам центральных управлений был установлен главкомом И.И. Вацетисом 13 октября 1918 г. Проблема заключалась в

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 216–217.

² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 245.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 44об.

⁴ Самойло А.А. Указ. соч. С. 246.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 13-13об.

⁶ Егорьев В.Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 143.

⁷ Там же. С. 144.

том, что служащие уходили с работы, когда торговля уже заканчивалась. Кроме того, в связи с дороговизной у них не было возможности покупать продукты¹. В тылу стоимость пайка была привязана к размеру жалованья. Так, например, если оклад в конце 1918 г. составлял 800 руб., то за паек выплачивали четверть его стоимости, если 850 руб. – 2/4, если 900 руб. – 3/4, если 950 и выше – паек оплачивался полностью по интендантской цене². Стоимость пайка удерживалась из жалованья. Право на получение пайка имели и члены семей штатных служащих (жены, дети, родители)³. Впрочем, этот вопрос в разных местах решался по-разному. На фронте паек выдавался бесплатно. По стоимости паек и обеды обходились на рубеже 1918–1919 г. в 320 руб. в месяц⁴. За службу сверх положенных часов полагался дополнительный паек⁵. Такой паек по 2-й продовольственной категории (всего категорий было три) получал начальник отделения по службе Генштаба Всероглавштаба А.С. Белой.

Главкому Вацетису, начальнику Полевого штаба Ф.В. Костяеву, адъютанту Вацетиса, председателю Реввоентрибунала и его секретарю обед и ужин присылали из столовой, причем выдавали по фунту хлеба⁶. При работе по 10–12 часов в сутки сотрудники Полевого штаба нуждались в дополнительном питании. Начальник Полевого штаба Костяев добивался разрешения заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова закупать продукты для штаба в Поволжье из расчета по 1,5 пуда на человека⁷. О значимости пайка для поддержания жизненного уровня семей военспецов свидетельствует обращение к начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву военспеца Н.Г. Александрова от 30 ноября 1918 г. о переводе в Тихвин в штаб 7-й армии вместе с тестем. Александров писал: «Находясь в Тихвине, мы хоть своим пайком поддержим существование нашей семьи... такие условия еще надолго сохранят Красной Армии двух довольно опытных работников...»⁸.

В сентябре 1918 г. в Москве пуд ржаной муки стоил 380–400 руб., фунт мяса – 12–15 руб., фунт картофеля – 1 руб. 40 коп. – 1 руб. 60 коп., бутылка молока – 3–4 руб., селедка – 7 руб., фунт лука – 5 руб., фунт хлеба – 9 руб., фунт сливочного масла – 38 руб., десяток яиц – 15 руб.⁹ На местах цены могли быть намного ниже. Так, в начале 1919 г. в Бобруйске фунт хлеба стоил 4 руб.¹⁰ Фунт мяса в Острогжске в феврале 1919 г. стоил 2,5 руб., пуд мяса – 100 руб.¹¹ Билет на цирковое представление в Москве у перекупщиков стоил в мае 1919 г. 15 руб., программка – 5 руб.¹²

На октябрь 1919 г. рыночные цены в Москве были следующими: хлеб нужно было доставать, и стоил он до 150 руб. за фунт (0,4 кг), сахар-рафинад – 500 руб. за фунт, сахар-песок – 200 руб., масло сливочное – 600 руб., картофель – 25 руб. за фунт, молоко – 40 руб. за кружку в полтора стакана¹³. В ской губернии на январь 1919 г. пуд (40 фунтов) картофеля стоил по твердым ценам 6,5 руб., на сельском рынке – 10 руб., а на городском – 600–1000 руб.¹⁴ (что соответствует октябрьской цене на рынке в Москве). В Пензенской губер-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.

³ Там же. Л. 124.

⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 256.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 183.

⁷ Там же. Л. 374.

⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 204об.

⁹ Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. Л. 850 (Архив семьи Снесаревых).

¹⁰ Там же. 1919 г. Л. 945.

¹¹ Там же. Л. 954.

¹² Там же. Л. 1015.

¹³ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangell Collection. Box 39. Folder 1.

¹⁴ Тишкина А.В. Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.

нии рыночные цены зимой 1919 г. были следующими: пуд ржаной муки – 75 руб., пуд пшеницы – 110 руб., пуд картофеля – 20 руб., фунт растительного масла – 12-16 руб., фунт мяса – 6,5 руб., гусь – 160 руб., кочан капусты – 20 руб.¹ В условиях хлебной монополии все, что возможно было изъять в деревне, власть направляла в города и в армию.

Питание военспецов-генштабистов, прежде всего, зависело от места их службы. Некоторые регионы считались более благоприятными в отношении возможности достать продовольствие, тогда как в других продовольственный вопрос стоял довольно остро. Например, назначенный помощником начальника оперативного отделения штаба Северного фронта А.С. Хрулев, в рапорте начальнику оперативного отдела штаба фронта от 3 января 1919 г. отметил, что месячный оклад содержания у него составляет 1500 руб., но ранее как помощник начальника штаба дивизии по оперативной части он получал такое же жалование плюс бесплатный паек. Теперь же за паек и обеды приходилось дополнительно выкладывать по 320 руб. Хрулев писал: «Так как у меня имеется семья, проживающая в городе Петрограде, где в настоящее время продовольственный вопрос достиг уже рокового предела, я, вместо того, чтобы напрячь все силы для поддержания дальнейшего существования семьи, буду обречен на необходимость сократить еще ее бюджет на вышеуказанную сумму». В связи с постепенным ухудшением продовольственного вопроса в Ярославле военспец просил о переводе его в Новгород, положение в котором было лучше².

Подтверждением того, что генштабисты, даже относившиеся к советской военной элите (уровня командующих армиями и фронтами), находились в годы Гражданской войны в тяжелейшем положении в отношении удовлетворения самых элементарных потребностей служит тот факт, что, в частности, супруга А.А. Самойло – командующего 6-й армией, имевшей статус отдельной, т.е. приравненной к фронту (фактически только на эту армию была возложена оборона Советского Севера) – в Москве летом 1919 г. была вынуждена обменять ордена мужа (22 награды) на пуд белой муки³. Возможно, именно тяжелое полуголодное существование было причиной того, что Самойло с членом РВС армии А.М. Ореховым, находясь в Карелии поблизости от передовой, буквально набросились на лужайку с белыми грибами, а затем, опаздывая на совещание, с большим риском повезли добычу вдоль линии фронта, причем Самойло был даже контужен⁴.

Вместе с тем, особо заслуженных военспецов материально поощряли. Так, М.С. Свечникову, генштабисту-большевику, в воздаяние заслуг перед Советской республикой РВСР в январе 1920 г. установил постоянный оклад жалованья по должности командующего армией⁵. М.Д. Бонч-Бруевич с 31 августа 1919 г. был переведен в распоряжение начальника Всероглавноштаба, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника Полевого штаба РВСР⁶. Командование старалось, чтобы даже при понижении военспецов они не ощущали острого снижения своего достатка. Так, например, командовавший 11-й армией Н.А. Жданов летом 1919 г. был назначен в распоряжение командующего 12-й армией с окладом начальника дивизии⁷.

Политика «военного коммунизма» и продовольственная диктатура нередко приводили к разнообразным злоупотреблениям в связи с нехваткой продуктов питания. Особенно остро ограничения военного времени ощущали представители элиты, привыкшие к совсем другому образу жизни до мировой войны и революции. В условиях полуголодного существования в Советской России получили распространение хищения и спекуляции. При этом участво-

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

³ Самойло А.А. Указ. соч. С. 190.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.

⁷ Приказ РВСР по личному составу армии. 1919. № 177. 14.08.

вавшие в таких хищениях генштабисты использовали свое высокое служебное положение и связи в «сферах». Так, в скандале с попыткой спекуляции продовольствием в 1919 г. оказались замешаны племянник советского главнокомандующего И.И. Вацетиса — 24-летний бывший прапорщик Э.И. Вацетис, служивший адъютантом у своего дяди, а также состоявший для поручений при Вацетисе 30-летний выпускник ускоренных курсов академии Генштаба бывший капитан Е.И. Исаев. Оба были впоследствии арестованы по «делу» Полевого штаба РВСР. В марте 1919 г. из Риги на территорию РСФСР они пытались вывезти ненормированное количество продуктов и товаров. Товары в результате обыска были конфискованы, а расследованием дела занялся Реввоентрибунал республики. Видимо, благодаря высокому заступничеству, расследование дела через несколько месяцев было свернуто¹. Бытовая сторона жизни военспецов, даже высокопоставленных, в Советской России эпохи Гражданской войны оставалась неудовлетворительной, что и толкало на подобные злоупотребления.

Те, кто не обладал связями, нередко оказывались у разбитого корыта. Например, семья бывшего генерала В.А. Олохова, служившего в РККА, потерявшая тогда библиотеку, альбомы, иконы, драгоценности, мундиры бывшего генерала, мебель, ковры и другое имущество². Ордена и нагрудные знаки семье пришлось продать, что позволило Олоховым выжить и питаться маслом и крупами. Жалко было не столько сами вещи, сколько память о прошлой жизни, которую они хранили. Как вспоминала супруга генерала, «все подарки, которые Володя (В.А. Олохов. – А.Г.) получил за свою 50-летнюю службу, все ордена его, дорогие ордена с мечами, все памятные жетончики, все, все нам пригодилось в трудные годы... И каждую вещь мои глаза провожали с болью сердца, ими ведь дорожил мое Солнышко, ведь с ними связаны имена друзей. Один раз, когда я сдавала эти жетончики и значки полков, и их разламывали на кусочки, и я, не отрываясь, глядела... Нервы не выдержали, и я расплакалась... “Не плачьте, – говорит мне чиновник, который разламывал, – смотрите, много ли вы принесли, а получите целых 36 руб. золотом”. Цена былого...»³. По свидетельству О.И. Олоховой, «в то время так было не до вещей и так не важно, есть ли они, нет ли их»⁴.

Особенно тяжело было семьям больных и умерших генштабистов, многодетным семьям, семьям арестованных. Большевики не считали себя обязанными им помогать, хотя порой пенсионное обеспечение у таких лиц было. Так, 47-летняя вдова Генштаба полковника В.И. Зацепина, умершего в мае 1917 г., получала на 1918 г. пенсию в 75 руб., работать не могла по состоянию здоровья⁵. Помощь ей была оказана фондом взаимопомощи офицеров Генштаба.

В тяжелейшем положении оказалась многодетная семья душевнобольного генерал-майора А.Н. Яблонского – шесть дочерей и сын⁶. Аналогичные трудности испытывали близкие парализованного генштабиста Н.Н. Долинского. Генштабист Б.М. Иванов в ноябре 1918 г. обращался в фонд взаимопомощи офицеров Генштаба с просьбой помочь изыскать средства на операцию жене, т.к. был вынужден влезть в долг⁷. Помощь, как правило, оказывалась по месту службы военспецов. Так, например, 30 июня 1919 г. Совет Всероглавштаба предназначил выдать пособие в размере 1300 руб. начальнику отделения отчетно-организационного отдела А.Г. Грундштрему на лечение его и его сына⁸.

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». Статьи и документы. М., 2013. С. 254-259.

² Олохова С.И. Мы служили Отечеству. Воспоминания. СПб., 2012. С. 241.

³ Там же. С. 228-229.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 30.

⁶ Там же. Л. 57, 76об.

⁷ Там же. Л. 116.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 119. Л. 93об.

Супруга арестованного и расстрелянного генштабиста Н.К. Раша Вера Ивановна, оказавшись в крайне тяжелом материальном положении, обратилась 13 сентября 1918 г. к начальнику оперативного управления Всероглавштаба: «Муж мой, Генерального штаба Николай Карлович Раша, был арестован 3 августа с.г. и находился в Таганской тюрьме, но последнее время его местонахождение было изменено, и я его разыскать не могу.

На моих руках находятся трое малолетних детей, из коих младшему нет еще года; поступить в Москве куда-нибудь на службу или получить какую-нибудь работу я лишена возможности, так как все время должна посвящать заботам о детях и домашнему хозяйству.

Не имея других средств к жизни, кроме получавшегося мужем жалования, я, благодаря аресту мужа, продолжающемуся уже больше месяца, очутилась в безвыходном положении.

Не имея возможности оставаться дальше в Москве и желая уехать в Вологду к своим родным, прошу Вас помочь мне и выдать мне пособие из фонда вспомоществования чинов Генерального штаба как на переезд, так и для того, чтобы я могла просуществовать с детьми первое время, пока не подыщу какой-нибудь подходящей для себя работы»¹.

Трагичным было нищенское положение георгиевского кавалера, бывшего ординарца легендарного генерала М.Д. Скобелева, отставного генерала от кавалерии А.Р. Эйхгольца, проживавшего в Царицыне. При новом режиме бывший генерал лишился пенсии в 265 руб. в месяц, не получил таковую и за восемь месяцев 1918 г., при этом губернские власти в Саратове признавали право бывшего генерала на пенсионное обеспечение. Имущество из Петрограда вывезти, в основном, не удалось. В итоге заслуженный генерал на рубеже 1918-1919 г. устроился заведующим педагогическим музеем и библиотекой, работал с восьми утра до восьми вечера в гимназии и школе грамотности, причем через день простаивал с 5 утра в очередях за хлебом. Ко времени прихода белых в Царицын у генерала оставалась из белья лишь рубашка, не было ни брюк, ни куртки. Положение осложнилось тем, что белые не принимали советских рублей на своей территории. К тому же генерал был одинок – его сыновья сражались в войсках Деникина².

Красная армия, порой воспринимающаяся как организация, в которой беспощадно подавлялось всякое человеческое достоинство бывших офицеров, дает примеры заботы о военспецгах и их семьях. Так, в 1920 г. был упорядочен вопрос о помощи семьям умерших военспецов. Начальник Полевого штаба РВСР 19 мая 1920 г. издал следующее распоряжение: «С начала образования Красной армии в ряды ее были призваны, не взирая на возраст, все лица Генерального штаба, которые несли службу по своей специальности на фронте и в центральных учреждениях. В течение свыше двухлетнего существования Красной армии из лиц Генерального штаба, состоявших на службе, умерло 16 человек³ (список в приложении), из которых некоторые умерли от эпидемических болезней или расстроив свое здоровье на службе. После всех умерших остались совершенно не обеспеченными их семьи, которые в данное время находятся в самом бедственном положении.

Принимая во внимание работу умерших лиц Генерального штаба на пользу Р.С.Ф.С. Республики и бедственное положение их семейств, полагал бы необходимым: 1) выдать семействам умерших единовременные пособия, 2) сохранить за семействами оклады жалования по последним должностям умерших и 3) выдать семействам продовольственные карточки «Красной Звезды»⁴. К документу прилагался список из 17 генштабистов⁵.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 51–51об.

² Подробнее см.: *Посадский А.В.* Судьба русского инвалида. Примечания к «Запискам» генерал-лейтенанта Врангеля // *Новый Часовой* (Санкт-Петербург). 2004. № 15-16. С. 251-253.

³ Правильно – 17.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 165.

⁵ Публикацию списка см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 645-646.

В то же время о советских военнопленных и интернированных руководство РККА заботилось. Делопроизводитель разведывательного отделения военно-статистического отдела Всероглавштаба И.В. Высоцкий 17 июля 1918 г. обратился с рапортом к своему непосредственному начальнику: «В составе войск XX армейского корпуса 8 февраля 1915 г. в Августовских лесах я был взят в плен Германцами.

После трех лет и четырех месяцев пребывания в плену, я, как инвалид, был отпущен в Россию.

По возвращении из плена денежных выдач не получал никаких.

Будучи семейным и крайне нуждаясь в средствах, прошу о выдаче мне пособия, а если это было бы признано невозможным, то прошу ходатайства о выдаче мне двухмесячного оклада содержания с льготным погашением, тем более, что последним пользуются эвакуированные из Петрограда, а, поступив на службу, я принужден был перевезти семью из Петрограда в Москву.

Генерального Штаба Высоцкий»¹.

Ходатайство Высоцкого было поддержано.

З.И. Зайченко, интернированный в Германии (Ганновер, лагерь военнопленных в Хаммельне) вместе с 53-й пограничной дивизией в период советско-польской войны, беспокоился о семье в Киеве, о чем писал начальнику Полевого штаба РВСР П.П. Лебедеву 16 сентября 1920 г. В результате жене военспеца было выдано пособие в 2500 руб.²

Разумеется, бывали и противоположные случаи, когда личные интересы генштабистов не принимались во внимание. С точки зрения материального обеспечения интересна история военспеца А.Д. Лютова. В августе 1919 г. он служил в штабе 7-й армии вместе с еще пятью генштабистами, однако, желая перевестись в штаб Восточного фронта, 19 августа телеграфировал свою просьбу начальнику Полевого штаба РВСР П.П. Лебедеву³. О мотивации просьбы военспеца в телеграмме заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому сообщал 23 августа 1919 г. член РВС 7-й армии А.П. Розенгольц: «Перевод Лютова на Вост[очный] фронт, к чему он стремится давно разными путями продиктован не интересами службы, а устройством личных дел Лютова. В 7 армии все генштабисты за исключением нач[альника] опер[ативного] от[дел]а Лютова – полнейшая бездарность. Некоторые из них, как, например, [Н.И.] Кадников, за полной непригодностью откомандированы из армии. Можем откомандировать еще и других в этом роде...»⁴.

Тем не менее, Лютов настаивал. 28 августа он телеграфировал начальнику оперативного управления РВСР В.И. Михайлову о своих мотивах: «Первое. Убийственное положение семьи, живущей в Симбирске, состоящей [из] жены, троих детей, двух матерей совершенно оборванных, обтрепанных и принужденных голодать, так как при дороговизне [в] районе Петрограда при всем своем напряжении и голодовке я не могу достаточно выделить денег из своего содержания на их прожитие. Второе. Знание мною Казанского округа, благодаря долгой службе в нем [в] мирное время, где бы я мог больше принести пользы. Третье. Оставление меня в штатме семь не даст мне спокойно работать, зная, что семья моя обречена на гибель, содружество в штабной работе [с] лицами, препятствующими моему переводу мне будет тягостно, таким образом на три четверти я потерян для работы в армии. Четвертое. В то время как [в] штатмосте лишь три генштабиста, в штатме семь их пять, кроме меня, из коих три старых выпусков и, следовательно, есть заместители. Пятое. После отпуска я не приступил к службе в ожидании разрешения вопроса [о] переводе, и работа в оперотделе не остановилась. Шестое. Единственной причиной задержки является моя безупречная служба со дня формирования Красной армии и отличная аттестация, которая, однако, мне дает право наде-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 207.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 382-383.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 278.

⁴ Там же. Л. 287.

яться, что мое ходатайство о переводе будет удовлетворено, хотя бы как награда за предшествующую мою службу»¹.

РВСР все же оставил Лютова в штабе 7-й армии, что было продиктовано интересами дела, но в материальном плане военспецу была оказана существенная помощь. Из РВСР Лютову 1 сентября была направлена следующая телеграмма: «Имея [в] виду Ваши тяжелые материальные условия Реввоенсовет Республики назначил Вам пособие [в] сумме десять тысяч рублей... Ваше оставление на службе в Штарм 7 необходимо»². Таким образом, на определенную социальную поддержку военспецы могли рассчитывать.

Одним из способов преодоления тяжелого материального положения и выживания в обстановке разрухи стало трудоустройство военспецами в различные управления и учреждения своих родственников. К тому же на фронте совместная служба позволяла не терять близких из вида и не расставаться с ними. Так, видные военспецы командующий Северным фронтом Д.П. Парский и его начальник штаба Ф.В. Костяев привлекали своих супругов к работе в качестве личных секретарей, что вызывало нарекания и даже расследование в связи с возможным разглашением секретных данных. Комиссар штаба 6-й армии Н.Н. Кузьмин с возмущением писал в Высшую военную инспекцию о наличии в штабе Северного фронта пятнадцати родственных пар³. Непотизм процветал в штабе Беломорского военного округа в 1918 г. Военрук Ф.Е. Огородников трудоустроил в штаб сына Кирилла, начальник административного управления штаба округа Е.Е. Шишковский, – своего родственника (сына или брата) Николая Евгеньевича⁴. Похожая ситуация складывалась и в Северо-Кавказском военном округе, где в мае-июне 1918 г. служили и.д. начальника административного управления штаба И.К. Серебренников и секретарь управления О.И. Серебренникова, и.д. заведующего оперативным отделом мобилизационного управления Е.Н. Ригельман и письмоводительница отдела Е.П. Ригельман⁵. От местных военных учреждений не отставали в центре. Во Всероглавштабе переписчицей канцелярии работала родственница начальника Центрального управления военных сообщений М.М. Загю Мария Михайловна Загю⁶. Генштабист А.О. Зундблад занимал пост помощника начальника организационного управления Всероглавштаба, а и.д. старшего делопроизводителя отчетно-организационного отдела того же управления служил некий Г. Зундблад⁷. Упомянутый Е.Е. Шишковский трудоустроивал родственников в структуры РККА и в дальнейшем. Так, его супруга Л.И. Шишковская стала переписчицей комиссии по исследованию и использованию опыта войны⁸.

Опасность этого явления (чреватого изменами и переходом к противнику целых семей), быстро получившего широкое распространение, скоро была осознана большевистским руководством, после чего стали приниматься меры искоренения совместной службы родственников. 27 июля 1918 г. был даже выпущен декрет СНК о недопустимости совместной службы родственников в учреждениях, однако законодательно искоренить эту практику не удалось. Родственники не могли служить вместе на должностях, «оказывающих влияние на ход дела»⁹, но могли служить в разных отделах. Декрет не распространялся на строевые части, в которых служба родственников считалась полезной для большего сплочения личного состава¹⁰.

¹ Там же. Л. 302-302об.

² Там же. Л. 319.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 646. Л. 110об.

⁴ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

⁵ РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 7, 12, 21.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 468. У М.М. Загю были сестра и дочь с такими именем и отчеством.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 17об.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 1.

⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.

¹⁰ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 123.

Нельзя забывать о произволе, творившемся тогда в стране и о ненависти населения к имущим классам. Бывший военный министр генерал А.Н. Куропаткин, проживавший в Псковской губернии, в конце 1918 г. получил бумагу о необходимости уплатить чрезвычайный революционный налог в 70 000 руб. как бывшему помещику на основании декрета от 30 октября 1918 г. Таких денег у Куропаткина не было, о чем он прямо написал в январе 1919 г. председателю волостного исполкома, сообщив, что всю жизнь жил на жалованье, а доход имел лишь со сбережений и гонораров за научные труды. Куропаткин отметил, что немалые средства тратил и на общественные нужды – открыл сельхозшколу, осушал болота, построил почтово-телеграфное отделение. Куропаткин на начало 1919 г. владел лошадью и (временно) коровой¹. Ведение натурального хозяйства было очевидным и единственным для него способом выживания в чрезвычайных условиях.

Генштабисты страдали и от криминализации страны в Гражданскую войну. Так, у помощника начальника 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта Д.А. Мельникова 11 февраля 1919 г. в трамвае в Москве был похищен бумажник с семьей с половиной тысячами рублей, включая 5000 казенных, а также мандаты. Обокрадена была и жена Мельникова, а затем пропал его багаж. Положение военспеца было настолько отчаянным, что он решился написать о своем несчастье В.И. Ленину. В обращении он писал: «Человек я положительно бедный и к тому же обременен большой семьей. К этому я должен добавить, что матерьяльные неудачи роковым образом и незаслуженно повторяются со мной уже не в первый раз... С первых дней переворота я охотно и добровольно служу Советской власти, по мере моих сил был ей полезен, за что всегда пользовался ее доверием... вычет из получаемого мной скромного содержания означенной суммы для меня был бы положительно непосильным бременем»².

Похожий случай произошел с состоявшим в распоряжении главкома В.Н. Егорьевым, который сообщал начальнику штаба РВСР 24 сентября 1918 г.: «23 сентября, отправившись в военно-хозяйственный надзор высшего военно-хозяйственного совета для сдачи денег и отчетности, имевшихся у меня по должности военного руководителя Западного участка отрядов завесы, я между 16 и 20 часами в районе Новинского бульвара, Смоленского рынка и Брянского вокзала потерял (вероятно, украли при следовании моем в трамвае) один из свертков, в котором был бумажник с 5.519 рублями 99 копейками и четырьмя расписками на сумму 800.108 руб. 60 копеек (расписки уже восстановлены, т.к. заключались в получении от меня денег военным комиссаром Западного района обороны Пыжевым, находящимся в Москве).

Означенная потеря (или кража) – не есть следствие рассеянности или небрежности, а являются результатом моего переутомления, мешающего мне непрерывно координировать сложные явления.

Прошу военно-революционный совет республики, во внимание к моей 35-летней службе, полной забвения себя самого и даже своей семьи,

1) Или простить мне этот долг, имея в виду, что казна в свою очередь мне должна около 18.000 рублей за потерю моего имущества в Черногории, но коих получить вероятно не придется.

2) Или рассрочить его вычетами из моего жалованья по одной его трети, начиная от возвращения меня из отпуска.

Если оба эти решения неприемлемы, то я могу уплатить долг из только что полученных мною вперед за 4 месяца 6.000 рублей, но тогда в отпуск будет ехать не на что и семья моя, совершенно избедствовавшаяся, уж не знаю как будет жить. В. Егорьев»³.

Резолюция на документе вполне показательна: «Предлагаю сумму потери простить ввиду честной и непрерывной службы Егорьева на пользу Со-

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1611. Л. 6, 7-7об., 9.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 29-30.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 80-80об.

ветской России. Главк. Вацетис, Данишевский». На обороте комментариев Данишевского к первому пункту документа: «Мотив этот (п. 1 не выдерживает никакой критики. Дан[ишевский]»¹.

Произвол творили и представители власти. Так, сотрудник Всероглавштаба В.В. Ступин в октябре 1918 г. был задержан дежурным сотрудником ЧК, причем отобрано и не возвращено было 1850 руб. личных денег². На этом злключения Ступина не закончились. В первой половине октября 1918 г. у его матери была реквизирована последняя комната, несмотря на имевшееся удостоверение Воронежского губвоенкомата, что она – мать советского служащего. 68-летней женщине предложили поселиться на кухне, ее пенсия составляла всего 130 руб. Начальник Всероглавштаба А.А. Свечин 20 октября 1918 г. потребовал от председателя исполкома Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не уплотнять мать военспеца³.

Попытаемся оценить покупательную способность жалованья генштабистов. За жилье приходилось платить. Так, служащие штаба Высшего Военного Совета в 1918 г. платили за жилье до 20% содержания, и это считалось приемлемым⁴. Бывший генерал В.П. Муратов в октябре-ноябре 1918 г. платил за квартиру 130 руб. в месяц, в мае-июне 1919 г. платить приходилось уже 195 руб.⁵ Налогообложение отличалось оригинальностью. Тот же Муратов на май 1922 г. платил общегражданский налог и натурналог – свой однодневный заработок и удержание трех дней продуктового пайка⁶. В конце 1922 г. из персонального жалованья Муратова в счет уплаты общегражданского налога была удержана 1000 руб.⁷

Обед в Советской России в 1919 г. мог стоить 8–8,5 руб. По данным записных книжек генштабиста Ф.Е. Огородникова, 11 апреля 1918 г. он потратил в Москве на молоко 1 руб., на 2 яйца – 1 руб. 20 коп., на обед – 4,5 руб., на извозчика – 5 руб. и на билет (видимо, до Ефремова или Ельца) 19 руб.⁸ В конце апреля еще одна запись о расходах – яйца – 2,25, табак – 18 руб.⁹

Содержание Беломорского военно-окружного комиссариата за два месяца обходилось в 763 000 руб. Формирование двух дивизий в течение двух месяцев стоило 28 500 000 руб.¹⁰

Как известно, к концу Гражданской войны Советская Россия испытывала тяжелейший финансовый кризис. К 1921 г. рубль обесценился относительно рубля 1914 г. в 50 000 раз. Так, в уездах Томской губернии коробка спичек стоила 10 000 руб., бутылка керосина – 90 000, к концу 1922 г. сапоги в Томске можно было купить за 250 000 руб., ведро картофеля – за 8000. На фоне галопирующей инфляции повышались оклады командного состава. 8 декабря 1921 г. РВСР были установлены новые размеры жалованья. Члены РВС фронтов теперь получали 200 000 руб. в месяц, члены РВС армий, начальники управлений – 185 000 руб., начальники отделов – 173 000 руб., начальники частей и канцелярий – 160 000 руб.¹¹ Очевидно, даже такие оклады не поспевали за ростом цен. Нормализовать ситуацию удалось лишь в ходе последовавших финансовых реформ.

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

³ Там же. Л. 43.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 182.

⁵ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-7.

⁶ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 84. Л. 54.

⁹ Там же.

¹⁰ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 83. Л. 3.

¹¹ Подустов Ф.Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919-1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Серия: Гуманитарные науки (История). Вып. 1 (52). С. 43.

Рассмотрим материальное положение генштабистов в антибольшевистском лагере.

Приехавший в Москву с тайной разведывательной миссией от командования Добровольческой армии генерал Б.И. Казанович встречался в июне-июле 1918 г. с другим подпольщиком генералом В.Г. Болдыревым. В одну из встреч Болдырев неожиданно спросил Казановича о размере его жалованья. Узнав про 1000 руб. в месяц, он предложил Казановичу 2000 руб., если тот согласится взять на себя командование антибольшевистскими формированиями на Востоке России. На это Казанович ответил, что дело не в вознаграждении, а в восприятии самой затеи и ее политической ориентации¹. По всей видимости, у подполья тогда средства имелись. Рассмотрим, как реально оплачивался труд генштабистов, перебравшихся на Восток России.

Согласно приказу от 10 августа 1918 г. в Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания были установлены следующие месячные оклады жалованья:

Таблица 9

**Оклады содержания в Народной армии Комитета членов
Всероссийского Учредительного Собрания²**

Должность	Оклад (руб.)
Командующий армией	1000
Командир корпуса	750
Начальник дивизии	680
Командир полка	470
Командир батальона	370
Командир роты	340
Рядовой	45

Летом 1918 г. проектировалось создание при Комуче ГУГШ, проект предусматривал следующие оклады:

Таблица 10

Должностные оклады по проекту временного штата ГУГШ Комуча³

Должность	Оклад (руб.)
Начальник Генерального штаба (генерал ГШ)	850
Генерал для поручений (генерал-майор или штаб-офицер ГШ)	680
Штаб-офицер для поручений	540
Начальник оперативного отдела (генерал-майор или полковник ГШ)	680
Начальник оперативной части (штаб- или обер-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением по подготовке операций (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощник	340
Начальник разведывательной части (штаб-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением внутренней разведки (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощники (2 офицера)	370
Начальник общей части	600
Начальник отдела формирования	680

¹ Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май-июль 1918 года // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 196.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

³ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 140-145.

Проект штата предусматривал и другие должности, на которых могли находиться генштабисты. Впоследствии ГУГШ было сформировано в ином виде, возглавил его Генштаба полковник А. П. Слижигов.

Командующий войсками Оренбургского военного округа на июль 1918 г. имел месячный оклад в 1800 руб. и 1000 руб. на разъезды и представительские расходы¹. Оклады академического руководства и их соответствие армейским по штату от 12 октября 1918 г. были следующими:

Таблица 11

**Оклады постоянного состава Военной академии
и их соответствие армейским в войсках
Временного Сибирского правительства по штату от 12 октября 1918 г.²**

Должность в академии	Звание	Приравненная к ней армейская должность	Разряд оклада	Оклад (руб.)
Начальник академии	Генерал Генштаба	Командир корпуса		1360
Правитель дел	Штаб-офицер или генерал-майор Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Помощник правителя дел	Штаб-офицер Генштаба	Командир полка	3-й	680
Курсовые штаб-офицеры (9 офицеров)	Штаб-офицеры Генштаба	Командир полка	3-й	680
Заслуженные оди-нарные профессора	Генералы Генштаба			1360
Ординарные про-фессора (20 офицеров)	Генералы или штаб-офицеры Генштаба	Начальник дивизии	1-й	1120
Экстраординарные профессора (5 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Штатные преподаватели и штатные руководители практических занятий (8 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир полка	3-й	680

Слушатели академии осенью 1918 г. получали жалование в размере 340–400 руб. в месяц и 100 руб. квартирных³. По окладам они были приравнены к 7-му разряду и к командирам рот (если до зачисления в академию не имели более высокий оклад). Взамен пайка выплачивалось еще 80 руб.⁴ Размеры денежного довольствия были связаны еще с петроградским периодом истории академии. Осенью 1918 г. при эвакуации академии из Самары в Екатеринбург и Томск семейные сотрудники получали эвакуационное пособие в размере 1000 руб., одинокие – 500 руб.⁵ При совмещении преподавания с другими должностями офицер получал четверть содержания по другой должности к основному окладу⁶.

¹ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 47об.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 173-175.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 231.

⁴ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 169.

⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

Пенсия заслуженных ординарных профессоров Б.М. Колюбакина и Г.Г. Христиани на начало 1919 г. составляла 1800 руб. в год. Кроме того, ему полагалась и надбавка в размере 300 руб.¹ По дореволюционным нормам пенсия ординарного профессора составляла 1500 руб. в год, экстраординарного – 750. Колюбакин и Христиани получали прибавку к 1500 рублям, поскольку выслужили по два пятилетия сверх 25 лет службы (по факту получали только 300 руб. за одно пятилетие). Выслуживший одно пятилетие профессор А.И. Медведев получал 900 руб.² В академии, являвшейся по сути оазисом организованности посреди разрухи, отдельным офицерам выдавались даже пособия на воспитание детей³. В ноябре 1918 г. преподаватели академии вели занятия на повторительных курсах младших офицеров в Томске, причем ставки были следующими: за часовую классную лекцию платили 6 руб. 25 коп., за 3-часовой выход в поле – 24 руб., за 8-часовой – 64 руб.⁴ Слушатели курсов 4-й очереди в феврале 1919 г. решили ежемесячно делать вычет с каждого в размере 5 руб. на расходы по офицерскому собранию⁵. За публичную лекцию по международным отношениям, прочитанную в общественном собрании Томска, профессор Г.Г. Христиани выручил 24 марта 1919 г. 979 руб. 97 коп., которые сдал в фонд выдачи пособий офицерским и классным чинам академии⁶. Лекция 6 мая 1919 г. принесла 604 руб. 55 коп., вырученные средства вновь были пожертвованы тому же адресату⁷. Стоимость занятия по тактике в феврале 1919 г. составляла 40 руб., прием экзаменов по-прежнему оценивался в 50 руб.

Администрации академии выплачивались надбавки на дороговизну в размере 10% оклада за период с 1 ноября 1918 г. по 1 марта 1919 г. Б.М. Колюбакин из оклада в 1700 руб. получал надбавку 680 руб., А.Т. Антонович из оклада 1100 руб. получал 600 руб. надбавки. Штатные преподаватели получали 15% добавку⁸. К сожалению, установить причины различий в размере надбавок не удалось.

Суточные ординарным профессорам выплачивались в размере 3% от оклада в сутки. Рядовые служащие академии в апреле 1919 г. получали по 250 руб. (кочегар, дворник, служители, кучеры, конюхи), столяры по 400, писаря-машинисты – 390, ветеринарный фельдшер – 280 руб.⁹ Квартирные деньги колебались от 100 до 340 руб.¹⁰

В 1918 г. заработная плата рабочего на востоке России составляла 25–40 руб. за 8-часовой рабочий день в зависимости от квалификации. Фунт хлеба в Омске стоил 70–80 коп., бутылка водки – 6 руб.¹¹ Осенью 1918 г. в Оренбурге фунт сахара у спекулянтов стоил 30 руб., пуд соли – 10-12 руб. (государственная цена – 2 руб. 60 коп., в Самаре же стоимость достигала 24 руб.), молоко – 5-6 руб. за четверть, коробка спичек – 75 копеек, осьмушка махорки – 7-9 руб.¹² При этом цены на хлеб в Оренбурге осенью 1918 г. были в 4–5 раз ниже аналогичных в занятой красными Вятке¹³. В январе 1919 г. оренбургский атаман А.И. Дутов утвердил следующие предельные цены: пуд пшеницы – 12–15 руб., пуд мяса – 76 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. – 600 руб.), пуд сливочного масла – 380 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. – 2000 руб.¹⁴),

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1653. Л. 1.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 97. Л. 115об.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 27. Л. 21об.

⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 58об.

⁶ Там же. Л. 111об.

⁷ Там же. Л. 141.

⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 56об., 58об.

⁹ Там же. Л. 235об.-236об., 237об., 300об., 304об., 305об.

¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 99. Л. 3, 17.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 15.

¹² ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 22об.-23.

¹³ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 246.

¹⁴ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 12об.

пуд картофеля – 16–20 руб., пуд керосина – 17 руб. 20 коп., пуд мыла – 240–260 руб.¹ Скачок цен произошел весной-летом 1919 г. по всей видимости в связи с отменой твердых цен на пищевые продукты. Рыночные цены по Орскому уезду в июне 1919 г. были следующими: фунт чая – 90–120 руб., фунт сахара – 65 руб., коробка спичек – 3 руб., фунт керосина – 10 руб., фунт простого табака – 50–60 руб., фунт кофе в зернах – 20 руб., аршин ситца самой дешевой ткани – 35–40 руб., аршин самой дешевой материи на верхнюю одежду – 120 руб., фунт простого мыла – 7–12 руб.²

Дополнительно выплачивавшиеся квартирные деньги составляли четвертую часть жалованья. В боевой обстановке, на декабрь 1918 г., полагалась 20% надбавка к жалованью³. На Востоке России с 1918 г. вводились прибавки на дороговизну. Так, по постановлению Совета министров от 27 декабря 1918 г. увеличение содержания на дороговизну составило 15%⁴. Согласно приказу по военному ведомству № 15 за 1918 г. надбавка возросла до 25%. Генерал для поручений при Верховном главнокомандующем С.Н. Люпов в марте 1919 г. получал 1360 руб. жалованья и 340 руб. 25% прибавки⁵.

Оклад Войскового атамана Оренбургского казачьего войска с марта 1919 г. составил 3000 руб.⁶ Месячное жалование рядового бойца армии Колчака было определено в декабре 1918 г. в 10 руб., младшие офицеры получали по 480 руб., командир полка – 800 руб.⁷

Помощник начальника оперативного отделения штаба Сибирской армии, капитан-курсовик, получал оклад 680 руб.⁸ Таким же был оклад преподавателя военных наук в Белой Сибири (к этому прилагались 170 руб. квартирных)⁹. Жалование курсовика, прикомандированного к колчаковской Ставке, в январе 1919 г. могло составлять 400 руб.¹⁰ И.д. дежурного генерала Ставки получал в мае 1919 г. 880 руб. жалованья и 220 руб. квартирных, а также 385 руб. 35% прибавки к жалованью и квартирным. В общей сложности выходило 1485 руб.¹¹ Начальник организационного отдела в мае 1919 г. получал 800 руб. жалованья, 200 руб. квартирных и 350 руб. прибавки, итого 1350 руб.¹² Летом оклады возросли. Тот же офицер по той же должности в июне 1919 г. получал уже 1120 руб. жалованья, 350 руб. квартирных и сразу несколько прибавок – 280 руб. (25% прибавка для внеурядных городов), 175 руб. (10-25% прибавка к жалованью и квартирным на дороговизну и 25% прибавка), а всего 1925 руб.¹³ Увеличение шло за счет роста квартирных и прибавочных выплат. На август 1919 г. начальник отдела получал прежнее жалование, но квартирные составляли 472,5 руб., а надбавки 280 и 490 руб. Всего выходило 2362,5 руб.¹⁴ Боевые оклады давали 20% прибавку к жалованью¹⁵.

Оклад начальника Главного штаба составлял 1450 руб.¹⁶ Оклад командира казачьего полка в 1918-1919 г. мог составлять 800 руб.¹⁷ Занимавший

¹ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 175.

² ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1767. Л. 13.

³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 161.

⁴ РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

⁵ Там же. Л. 85.

⁶ Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 119.

⁷ Русская армия. 1918. № 27. 22.12. С. 1.

⁸ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 181.

⁹ РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 1об.-2.

¹¹ Там же. Л. 5об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 39об.-40.

¹⁴ Там же. Л. 168об.

¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 82.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

¹⁷ РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 332.

высший военный пост, на какой тогда мог рассчитывать генштабист на Востоке России, начальник штаба Ставки Д.А. Лебедев на июнь 1919 г. получал 2400 руб. жалованья, 750 руб. квартирных, 600 руб. 25% прибавки и 375 руб. прибавки на дороговизну. Итого 4125 руб.¹ При этом общая сумма колебалась. Так, за август 1919 г. Лебедеву полагалось то же жалованье, но квартирные возросли до 1012,5 руб. Прибавка для второразрядных городов составила 600 руб., а 25% прибавка – 1050 руб. Таким образом, за август 1919 г. Лебедев заработал 5062,5 руб.²

Помощники Лебедева, генералы П.Г. Бурлин и А.П. Будберг, получали намного меньше: 1600 руб. жалованья, 500 руб. квартирных, 400 и 250 руб. прибавок. Итого по 2750 руб. каждый (в августе у Бурлина при прежнем жалованье квартирные составили 675 руб., а прибавки – 400 и 700 руб., итого 3345 руб.³). 3-й генерал-квартирмейстер Генштаба полковник А.Т. Антонович получал 1360 руб. жалованья, 425 руб. квартирных, 340 и 212,5 руб. прибавок. Итого 2337,5 руб. Руководивший инструкторской школой генерал К.В. Сахаров получал 1120 руб. жалованья и 280 руб. квартирных⁴.

В марте 1920 г. жалованье генерал-квартирмейстера штаба III отдельного стрелкового корпуса К.В. Семчевского составляло 1120 руб. Расчет денежных средств был непростым и включал оклад, увеличенный в пять раз с двумя 25% прибавками (боевой и внеочередной) на жалованье и квартирные и 25% прибавкой на квартирные, а также пособием за декабрь 1919 г. в размере трех месячных окладов за январь-март 1920 г.⁵ Начальник Военной академии на август 1920 г. на Дальнем Востоке получал уже 2893 руб. 33 коп. оклада и квартирных, из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога., а в сентябре 1920 г. получал уже 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп. налога⁶ Генерал М.А. Иностранцев в июне 1920 г. рассчитывал на получение пенсии в размере 1500 руб. в год и эмеритуры в 645 руб., всего 2145 руб.⁷ После ухода каппелевских частей из Забайкалья, личный состав практически не получал жалованья, лишь впоследствии с приходом к власти Временного Приамурского правительства какие-то суммы стали выдаваться⁸.

В 1920 г. начальник академии получал 1608 руб. 75 коп., правитель дел – 1188 руб., ординарный профессор – 1395, экстраординарный – 1188, штатный преподаватель – 1010 руб. 25 коп., дворник 450 руб.⁹ К августу 1920 г. начальник академии А.И. Андогский получал основной оклад и квартирные в размере 2893 руб. 33 коп., из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога. Ординарные профессора получали 2626 руб. 66 коп. за вычетом 39 руб. 40 коп. налога¹⁰. Оклады постоянно менялись. К сентябрю 1920 г. Андогский получал 6510 руб. за вычетом 162 руб. 75 коп., ординарные профессора – 5910 руб. за вычетом 147 руб. 75 коп. По другим расчетам на тот же месяц у Андогского было 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп., у ординарных профессоров – 20 212 руб. 20 коп. за вычетом 909 руб. 55 коп.¹¹

В 1921 г. жалованье было пересчитано на золото. В феврале 1921 г. Андогскому золотом причиталось 98 руб. 60 коп. или кредитными билетами 295 800 руб. Удерживался налог 13 311 руб. или 4 руб. 44 коп. золотом, удерживались квартирные 34 831 руб. или 11 руб. 61 коп. золотом, оставалось к вы-

¹ Там же. Л. 39об.-40.

² Там же. Л. 163об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1. Folder 6.

Л. 13.

⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4, 43.

⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 581.

⁸ Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 85.

⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–95об.

¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 21, 43.

даче 247 658 руб. или 82 руб. 55 коп. золотом. Правитель дел получал 249 600 руб., заслуженный ординарный и ординарный профессора – 263 400, экстраординарный профессор – 227 400 руб.¹ Вр.и.д. начальника академии получал 79 руб. 17 коп. золотом, заслуженный ординарный профессор – 70 руб. 83 коп., экстраординарные и ординарные профессора – 62 руб. 50 коп., штатный преподаватель – 54 руб. 17 коп., дворник – 35 руб.² По смете 1922 г. начальник академии должен был получать 100 руб. в месяц, заслуженный ординарный профессор – 90, ординарный – 80, экстраординарный – 70, штатный преподаватель – 60 руб.³

В октябре 1920 г. служащие академии получали на руки продукты питания из продуктовой лавки академии по цене на 50% ниже цен городской продуктовой лавки. Нормы выдачи на человека составляли: мука – 3 фунта (на август 1920 г. муки 2-го сорта – 5 фунтов, простого размола – 10 фунтов), крупа-ядрица – 5 фунтов, пшено – фунт, рис – фунт (на август 1920 г. не выдавался), соль – ½ фунта (на август – фунт), масло сливочное – фунт (на август – 2 фунта), сахар – фунт (на август – 2 фунта), сало интендантское кусковое только для административного состава – 4,5 фунта (на август не выдавалось). Кроме того, в августе 1920 г. нормировался хлеб – 3 фунта, перец – 15 золотников, чай – ¼ фунта, мыло – фунт, 10 листов курительной бумаги, пачка спичек⁴.

Генштабисты-беженцы с Севера России, находясь в лагерях на территории Финляндии и Норвегии, в июне-октябре 1920 г. получали прежние оклады содержания, сохранившиеся со времени их службы на белом Севере. Так, дежурный генерал штаба главнокомандующего полковник В.А. Жилинский получал оклад в 2900 руб. «чайковками», начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский – 4200 руб., заместитель председателя финансово-экономического совета Северной области генерал от инфантерии С.С. Саввич – 3100 руб., главнокомандующий генерал от кавалерии Е.К. Миллер – 5400 руб., что было, очевидно, наивысшим окладом⁵. Начальник канцелярии военного отдела Верховного управления Северной области на август 1918 г. получал жалованье в 750 руб., на октябрь 1918 г. — 700 руб.⁶

О значимости материального фактора для переманивания офицеров-генштабистов, неплохо устроившихся на гетманской Украине, свидетельствует письмо генерала А.С. Лукомского начальнику штаба Добровольческой армии генералу И.П. Романовскому от 10 (23) мая 1918 г.: «Если Добр[овольческая] армия способна к дальнейшей работе, то надо заняться и организаторской работой. В ближайшие дни (с Сидориным) пришлю список оф[ицеров] Ген[.] шт[аба] здесь имеющих, дабы вы могли выбрать работников. Но надо иметь в виду, что надо в матер[иальном] отношении обеспечить существование семейств; если это не сделаете, то многие не пойдут»⁷.

Дороговизна на Юге России была колоссальной. Особую ценность представляет сравнение уровня жизни Советской России и антибольшевистского лагеря. Генштаба капитан Б.В. Федоров в докладе о засылке белых эмиссаров на советскую территорию на октябрь 1918 г. сообщал: «при командировках и посылках курьеров полагал бы необходимым установить следующие правила денежного довольствия:

1) При командировании в район армии – суточными по 7 руб. и литерой А (приказ Д[обровольческой] а[рмии] № 457).

2) При командировании в Украйну, Крым и Кавказ – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса, согласно действительной стоимости, суточными по 25 руб., на непредвиденные расходы от 100 до 400 руб., в зависимости от

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 112. Л. 56об.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 8-8об.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 114. Л. 55.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 102. Л. 17, 23.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 116. Л. 12-14.

⁶ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 118. Л. 182об.

⁷ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 34об.

места и продолжительности командировки, по определению командирующего начальника и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего н[ачальни]ка.

Полагаю, что менее 25-ти рублей суточных назначить нельзя при все увеличивающейся дороговизне жизни, в особенности в Крыму и на Кавказе, считая, что одно только довольствие в сутки обходится не менее 20-ти рублей, а при остановках в городах нельзя найти номера дешевле 15 руб. и за предоставление номера необходимо давать вознаграждение швейцару. При покупках ж[елезно]д[орожных] билетов зачастую приходится переплачивать комиссионерам, дабы не было задержки, извозчики, чаевые и прочие непредвиденные расходы требуют отпуска от 100 до 400 руб.

3) При командировках в Советскую Россию и в Сибирь – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса согласно действительной стоимости, суточными по 30 руб., а за время пребывания в Петрограде и Москве – по 60 руб. в сутки. На непредвиденные расходы: в Советскую Россию – 400-1000 руб., в Сибирь – 600-1500 руб., в зависимости от дальности и продолжительности командировки и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего начальника.

Жизнь в Советской России дороже, чем на Украине, почему менее 30-ти рублей суточных выдавать нельзя, считая до 25 рублей на пропитание и 15 руб. за номер. За время проживания в Петрограде и Москве полагаю необходимым выдавать по 60 руб. в сутки, принимая во внимание, что фунт хлеба стоит 12-15 руб. и довольствие обходится не менее 50 руб. в сутки, номера – до 20 руб. в сутки, не считая непредвиденных расходов, как извозчики, чаевые и т.п. На непредвиденные расходы полагаю необходимым выдавать особо 400-1000 руб., ввиду особых трудностей и опасностей при проезде через границу и по территории Советской России, где приходится, объезжая опасные места, передвигаться на лошадях, а при задержке красноармейцами и получении пропусков – прибегать к подкупам.

При командировании в Советскую Россию и в Сибирь, необходимо снабжать командирующих штатским платьем, если такового у них не имеется»¹.

В Добровольческой армии материальное обеспечение генштабистов было скудным. На белом Юге генштабист В.З. Макшеев получал 2000 руб. жалованья². Состоявший при генерале М.В. Алексееве Генштаба полковник Я.М. Лисовой в августе 1918 г. получил 500 руб. содержания, 150 руб. кормовых, 100 руб. семейных. Итого 750 руб.³ Штаб-офицерская вакансия старшего адъютанта штаба Саратовского корпуса в ноябре 1918 г. предусматривала оклад в 750 руб., а также паек⁴. Войсковой атаман Астраханского казачьего войска в 1918 г. получал 800 руб. в месяц, начальник Войскового полевого штаба – офицер-генштабист – 700 руб., обер-квартирмейстер штаба (также генштабист) – 600 руб., писарь того же штаба – 150-175 руб.⁵ В резерве чинов офицеры получали летом 1918 г. по 300 руб.⁶ В конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалованья, а главнокомандующий — 3000 руб., в конце 1919 г. — 700 и 5000 руб. соответственно⁷. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.⁸

Согласно временному штату управления неотдельного конного корпуса, утвержденному А.И. Деникиным 7 (20) декабря 1918 г., устанавливались следующие годовые оклады содержания:

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-5.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 317. Л. 36.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55а. Л. 4.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 3. Л. 73.

⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 72.

⁷ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 248–249.

⁸ Там же. С. 255.

**Годовые оклады содержания офицеров штаба
неотдельного конного корпуса ВСЮР
по временному штату 07 (20).12.1918 г.¹**

Должность	Оклад (руб.)
Командир корпуса (генерал или генерал-лейтенант)	8000
Начальник штаба корпуса (генерал-майор или полковник)	6600
Старшие адъютанты штаба корпуса (2 обер-офицера: по строевой и инспекторской части и по хозяйственной части)	3900
Штаб-офицер Генштаба	4800
Обер-офицеры Генштаба (2 должности)	3900

Годовой оклад по учрежденной в 17 февраля (2 марта) 1919 г. должности штаб-офицера Генштаба для связи со штабом Всевеликого Войска Донского в управлении генерал-квартирмейстера главкома ВСЮР составлял 8100 руб.² В апреле 1919 г. годовой оклад офицера Генштаба в Константиновском военном училище был установлен в размере 7200 руб. Всего таких офицеров было трое³. Годовой оклад начальника штаба главнокомандующего ВСЮР составлял 14 400 руб., начальник отдела Генерального штаба, генерал-квартирмейстер Ставки, дежурный генерал получали 11 400 руб. в год, помощник начальника отдела Генерального штаба, начальники мобилизационной и военнотопографической части получали 9900 руб. в год⁴. В сентябре 1919 г. начальник отделения в военном управлении, полковник Генштаба, мог получать 18 000 руб., его помощники – 12 000 руб., а младший оклад помощника, капитана Генштаба, составлял 9600 руб.⁵ Руководитель киевского подпольного центра белых получал в 1919 г. 4000 руб. в месяц.⁶

Средние чиновники (VIII-VI классы, соответствовавшие воинским чинам от капитана до полковника) на белом Юге в 1919 г. получали до 1800 руб. Между тем, прожиточный минимум на человека в Екатеринодаре с апреля по ноябрь 1919 г. вырос с 300 до 900 руб., а в Ростове-на-Дону цены на 10-15% были выше⁷. Из этих данных видно, что генштабисты находились не лучшим в финансовом положении, чем равные им гражданские чиновники. Как мы знаем, в Советской России генштабисты получали даже больше комиссаров, не исключая и самого В.И. Ленина.

4 (17) декабря 1919 г. Деникин утвердил новые месячные оклады чиновникам (XIV класс – 700 руб., XIII – 750, XII – 800, XI – 850, X – 900, IX – 1000, VIII – 1200, VII – 1400, VI – 1800, V – 2200, IV – 2800, III – 3300, II – 4000). Устанавливалась и прибавка на дороговизну – 75-100% кормового оклада, чиновники с VI по II класс также получали довольствие по должности от 500 до 5000 руб.⁸ К декабрю прожиточный минимум в Екатеринодаре составил 1150 руб., а в Ростове-на-Дону – 1500 руб. В связи с поражениями ВСЮР прогрессировала инфляция.

Генштаба полковник К.В. Алексеев 24 января (6 февраля) 1919 г. в Одессе отмечал: «Жить же раздельно с семьей, даже при получении большего содержания, при теперешней страшной дороговизне (одно отопление двух занимаемых мною комнат стоит 510 руб. в месяц), это – обречь свою семью на го-

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 3.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 84.

³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 130. Л. 131.

⁴ Там же. Л. 199.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

⁶ Там же. Л. 341.

⁷ Карпенко С.В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество (Юг России, 1918-1920 гг.) // Вестник РГГУ. 2012. № 4 (84). Серия «Исторические науки. История России». С. 91.

⁸ Там же. С. 92.

лодную смерть»¹. Материальное положение даже высшего командного состава ВСЮР было незавидным. Протопресвитер Г. Шавельский свидетельствовал: «И офицерство, и все чины Добровольческой армии, и сам ген. Деникин владели нищенское существование. Жизнь вздорожала, ценность денег упала, – требовались для приличного существования большие оклады. Кубанский атаман в конце 1918 г. получал 5 тысяч рублей в месяц, при всем готовом, а ген. Деникин в это самое время имел тысячу с небольшим в месяц, без всего готового. Его помощники – еще меньше. Чиновники и офицеры получали крохи. Нужда всюду остро заявляла о себе»². Неудивительно, что, например, супруга начальника штаба главнокомандующего ВСЮР генерала И.П. Романовского собиралась для выживания продавать серебряный чайник, а после того, как выручка будет проедена, не знала, что делать. Супруга генерала А.С. Лукомского пыталась раздобыть денег на новую одежду сыну, выросшему из старой³.

Отдельные офицеры пытались подрабатывать. Так, например, А.А. фон Лампе на Юге России зарабатывал журналистикой. Его доход, как отмечал он сам, составлял порядка 5000 руб. В то же время ужин обходился в 200 руб. и фон Лампе считал, что такие расходы ему не по карману⁴. Существовала среди офицеров и взаимопомощь. Так, в Особом отделении отдела Генерального штаба военного управления ВСЮР в 1919 г. функционировал хозяйственный кооператив. Членский взнос составлял 5 руб., пай – 25 руб.⁵

На Востоке России генштабистов приглашали выступать с лекциями, за которые можно было получить дополнительное вознаграждение. Так, например, в ноябре 1918 г. генерал Р. Гайда просил прислать ему из Военной академии лектора и руководителя для тактического образования командиров батальонов. Трехнедельная командировка вознаграждалась в размере 1000 руб. Кроме того, командированные обеспечивались питанием и проживанием. Правитель дел академии сообщал штатному преподавателю Генштаба генерал-майору П.Ф. Рябикову 21 ноября 1918 г.: «Если Вы послали отрицательный ответ, то он задержан и не доложен Богословским – Гайде, т.к. по обстоятельствам обстановки чрезвычайно необходимо быть внимательным к просьбе Гайды, тем более, что академия бездействует»⁶. Из подобной реакции можно заключить, что предложение Гайды не было слишком щедрым.

Особую статью дохода составляли трофеи. Конечно, они доставались далеко не всем, но нередко достигали фантастических размеров. Так, топограф штаба конного корпуса генерала К.К. Мамантова по разверстке за время знаменитого Мамантовского рейда по советским тылам получил 200 000 руб.⁷ Сколько получали более высокопоставленные лица – неизвестно. Об этом имеются лишь косвенные данные. Так, например, у генерала Постовского (не генштабиста), прославившегося мародерством в том же рейде, в Севастополе в 1920 г. украли чемодан с бриллиантами, золотом и ценностями на сумму свыше 12 млн. руб.⁸

Махинации в белом тылу стали нормой жизни. К некоторым из них были причастны и генштабисты. Осенью 1919 г. на Юге России проходил суд по делу Генштаба полковника Н.А. де Роберти и его супруги. Как отмечал генерал Л.М. Болховитинов в частной переписке, «сообщи решение суда по делу четы де Роберти. И супруг и супруга обвинены в подлогах, учиненных в целях провоза муки в Батум, и еще каких-то пакостях. Суд определил им наказание – по 4 года арестантских отделений каждому. Таким образом, распущенная и развратная бабенка, выпустившая до того “в трубу” не одного обожателя, свое получила.

¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 5об.

² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 326-327.

³ Там же. С. 327.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 24-24об.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 537.

Супруг оказался достойным своей супруги и тоже осужден. Мне их нисколько не жаль»¹. Сам де Роберти утверждал, что от должности начальника штаба 1-й дивизии в июне 1919 г. «был отчислен и даже был вследствие интриг, как результата бывших несогласий, под следствием и даже судом (дело было закончено)»².

Нередко махинации и злоупотребления приводили к острым конфликтам и даже покушениям на офицеров. Так, видный деятель Белого движения на Востоке России генерал П.Г. Бурлин в кругах русской военной эмиграции подозревался в том, что присвоил себе 20 млн. руб., выданных ему адмиралом А.В. Колчаком в Красноярске в начале 1920 г. для помощи эвакуированным на Дальний Восток. Спасаясь от красных, Бурлин, якобы, зашил деньги в шубу, а позднее – в Харбине – обменивал рубли по курсу 135 руб. за одну иену, нажив на этом 150 000 иен. На Бурлина было совершено покушение, но по ошибке погиб невинный человек³. К сожалению, сейчас крайне сложно отделить правду от инсинуаций и сплетен, получивших широчайшее распространение в среде русской эмиграции на почве безденежья и множества проблем.

В апреле 1920 г. в Крыму при генерале П.Н. Врангеле жалование начальника связи составляло 26-30 000 руб. Пирожок в столовой стоил 60 руб., «почти несъедобный обед» в столовой штаба – 250 руб., в ресторане – 350 руб., фунт сахара – 1800 руб. (в Константинополе – около 900 руб.), чашка кофе – 125 руб.⁴ Чиновники VII класса на май 1920 г. получали 16 000 руб. жалования в месяц, в сентябре 1920 г. оклады были удвоены, но инфляция стремительно съела все прибавки и денег не хватало даже на прожиточный минимум⁵. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил уже 5–10 тысяч руб.⁶ С марта по октябрь 1920 г. размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму вырос более чем в 23 раза⁷. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен.

Реалии повседневности периода 1917-1920 гг. были удручающими. При недостаточности медицинского обеспечения, упадке питания в стране свирепствовали эпидемии, касавшиеся генштабистов и членов их семей. Особенно распространены и опасны в тех условиях были инфекционные заболевания, различные формы тифа. От инфекционного заболевания внезапно в разгар операций на фронте скончался помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал В.И. Селивачев. Супруга колчаковского генерала Е.Э. Трегубова, сестра милосердия, в 1919 г. скончалась от тифа (сам Трегубов попал в плен и был расстрелян красными). Тяжелую болезнь перенес в 1919 г. один из вождей Белого движения на Юге России генерал П.Н. Врангель. Страдали и заболевали генштабисты и от переутомления.

Гражданская война привела к падению нравственности, в том числе в военной элите. Распущенность стала обыденным явлением в жизни офицеров, в том числе генштабистов. Далекое не все, как генерал А.И. Деникин, могли похвастаться безупречным моральным обликом. Некоторые высокопоставленные военные одновременно имели по несколько семей (например, окончившие академию белые генералы С.Н. Войцеховский, А.И. Дутов, А.П. Перхуров и другие), заводили любовниц, походно-полевых жен, пользовались услугами проституток (на февраль 1919 г., в районе Сибирской армии ночь с проституткой стоила 60 руб.⁸), употребляли наркотики. Командующий Донской армией генерал В.И. Сидорин к штабному поезду прицепил вагон с опереттой и проводил время в за-

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 275об.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 38.

³ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 146. Л. 42.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.

⁵ Карпенко С.В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество. С. 95.

⁶ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 391.

⁷ Там же.

⁸ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 174.

стольях в обществе полуобнаженных актрис¹. На этом фоне широко распространенный алкоголизм командного состава уже не был наиболее порочным явлением. Обычным делом стало пьянство целых штабов. Хроническим алкоголиком был командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, спаивавший и свой штаб, что сказывалось на эффективности управления войсками. Пьянствовал и генерал А.А. Боровский, начальник 2-й пехотной дивизии и командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией, причем в войсках говорили, что он «пропил Ставрополь»². У белых на Востоке России пьянством прославился главнокомандующий Восточным фронтом генерал К.В. Сахаров.

Семейный вопрос в Гражданскую войну действительно приобретал немалую остроту. Красные декларировали ответственность семей за возможные измены военспецов, что заставляло бывших офицеров тревожиться за судьбу близких, даже несмотря на декларативность угрозы³. Не менее тяжелым было положение офицерских семей у белых – в связи с неудачами на фронтах и отступлением антибольшевистских армий существовала большая вероятность захвата красными семей офицеров в плен, что могло повлечь, в свою очередь, сдачу в плен и глав этих семей, не желавших терять связь с близкими. В бытовом плане положение семей даже высокопоставленных генштабистов в каждом лагере отличалось неустроенностью и незащищенностью.

Рассмотрим материальное положение генштабистов национальных армий. К сожалению, в украинских документах присутствует некоторая путаница в денежных единицах – в рублях, гривнах, карбованцах, польских марках, в связи с чем мы приводим наименования валют, как они указаны в документах, оставляя ответственность за правильность указания денежных единиц на составителях документов.

В ГУГШ на гетманской Украине осенью 1918 г. рассматривались меры по улучшению материального положения офицеров. Предполагалось, что командир корпуса в год будет получать 15 600 руб., начальник дивизии – 13 200 руб., командир неотдельной бригады – 12 000 руб., командир полка – 11 400 руб., старший помощник командира полка – 9600 руб., младший помощник командира полка – 9000 руб., командир отдельной роты, батареи, батальона 8400 руб., командир роты – 7600 руб., младший офицер – 5400 руб.⁴ Семейным офицерам ниже командира батальона доплачивали еще по 600 руб. Начальник военного отдела Генерального штаба (штаб-офицер, не генштабист) в 1918 г. получал 800 карбованцев в месяц⁵. Минимальный оклад в 250 карбованцев имела машинистка. В военно-исторической комиссии Румынского и Юго-Западного фронтов оклад председателя составлял 1150 руб., начальник канцелярии получал 600 руб., два писаря – 250 и 200 руб.⁶

Пользуясь тем, что гетманская армия не вела боевых действий, некоторые офицеры ходатайствовали об учете их предпочтений при назначениях. Капитан М.П. Фесик писал 20 ноября 1918 г. 2-му генерал-квартирмейстеру украинского ГУГШ генеральному хорунжему А.И. Прохоровичу из Белой Церкви: «Покорнейше прошу назначить меня в Чугуев, где имеется дом моей жены»⁷. Отдельные даже отказывались от не устраивавших их с материальной точки зрения назначений. Так, штабс-капитан Х.В. Гуртовенко 27 сентября 1918 г. сообщал о своем отказе в ГУГШ: «Материально, семейно связан [с] Уманью. Не желаю... Гуртовенко»⁸.

¹ Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917-1919. М., 2007. С. 613–614.

² Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 152.

³ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 195-208.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 103.

⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 52. Л. 8; Д. 60. Л. 31.

⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 328.

⁷ Там же. Л. 800.

⁸ Там же. Л. 809.

Генерал В.В. Суходольский писал о том, что назначение за пределами Одессы вынудит его жить на два дома, чего он не хотел: «Мои личные ресурсы иссякают так, что скоро придется сделать, не знаю что», – отмечал генерал¹.

Неустановленный курсовик был еще более предметен в изложении своего материального интереса. Офицер сообщал, что стоянка штаба 16-й дивизии в Александровске «по семейным обстоятельствам вообще меня не удовлетворяет, так как имущественно я заинтересован либо Екатеринославом, либо еще в большей мере Полтавской губ., здесь при большей относительно других пунктов дороговизне жизни вообще, до крайности обострен квартирный вопрос в частности. Пока штаб и офицеры штаба разместились в гостиницах. Несмотря на приказ военного министерства и целый ряд принятых мер, рассчитывать на благополучное разрешение квартирного вопроса едва ли можно.

Можно думать, что, уплотнив обывателя, удастся найти комнаты для холостых или же малосемейных, но найти отдельные квартиры, хотя бы в 2–3 и даже одну комнату, но с кухней, с тем, чтобы удовлетворить запросам таких семейных, как напр. я – это не удастся»². Далее он писал о «сравнительно скромном окладе содержания» и невозможности жить на два дома, ходатайствуя о назначении в Екатеринослав, Лубны, Конотоп или Чернигов³.

По штатам украинского ГУГШ предполагались следующие оклады содержания генштабистов:

Таблица 13
4

Оклады содержания по штатам украинского ГУГШ. 1918 г.

Должность	Годовой оклад (в карбованцах)
Начальник Генерального штаба (генеральный старшина)	18 000
Персональный осаул (обер-старшина)	6600
Штаб-старшина Генерального штаба для поручений	9600
Генеральный старшина для поручений (Генштаба)	12 000
Начальник отдела личного состава (полковник Генштаба)	10 800
1-й и 2-й генерал-квартирмейстеры (генеральные старшины Генштаба)	16 500
Председатель Военно-ученого комитета (полковник Генштаба)	10 800
Военный агент 1-го разряда (Берлин, Вена)	10 800 + 5400 добавочных, всего 16 200
Помощник (полковник)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Офицер для поручений	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800
Военный агент 2-го разряда (полковник; Бухарест, София, Берн, Стамбул)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Помощник	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800

¹ Там же. Л. 902об.

² Там же. Л. 908-908об.

³ Там же. Л. 908об.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 32-37об., 38, 46; Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

На организацию работы военных агентов в июне 1918 г. выделялось 274 800 карбованцев, в том числе 54 600 одновременно на переезд и обзаведение одеждой¹. Всего на военно-агентскую работу направлялось 14 человек. Позднее, видимо, в 1919 г. оклады военных агентов 1-го разряда составляли 85 000 и 2-го – 71 400 карбованцев².

Надо сказать, что эти оклады существенно превышали гражданские. К примеру, годовой оклад министра вероисповеданий УНР в 1919 г. составлял лишь 24 000 карбованцев, машинистка получала 3600, курьер – 2400. Если в гетманский период разница в высшем и низшем окладах составляла пять раз, то в 1919 г. – 8–10 раз. Возрастало расслоение госслужащих. Прожиточный минимум в Ровно в мае 1919 г. составлял 31 карбованец в день. Месячная стоимость рабочей силы по Каменцу-Подольскому на январь-февраль 1919 г. составляла 376,5 карбованцев, на март-апрель – 437,6, на июнь – 581,6, на июль-август – уже 1161,8, на сентябрь-октябрь – 2651 карбованец. В результате инфляции Директория 15 августа 1919 г. приняла закон про процентные надбавки в связи с дороговизной, по которому госслужащие с окладом до 4200 карбованцев в год получали 100–140% надбавку³.

Реалии были следующими. Начальник мобилизационно-строевой части штаба 1-й конной дивизии сотник Б.Н. Ставрович в сентябре 1918 г. получал 600 руб. в месяц⁴. Весной 1919 г. начальник оперативного отдела штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Украины сотник Ю.В. Скорняков ежемесячно получал 1160 карбованцев (сюда входили 360 карбованцев 45% прибавки)⁵. Исходя из этого, годовой доход обер-офицера составлял 13 920 карбованцев. Без прибавки оклад составлял 9600 карбованцев.

Цены в Киеве летом 1918 г. были следующими. Самый плохой костюм-тройка стоил 1000 руб. Пара женских чулок по оптовой цене – 25 руб.⁶ Фунт хлеба в Киеве в июле 1919 г. стоил 50-60 руб., фунт мяса 40-50 руб.⁷ Впрочем, об этом писал белый разведчик и в каких рублях (царских, советских или денкинских) он исчислял эти цены, неизвестно.

По временному штату ГУГШ, утвержденному военным министром 23 мая 1919 г., были установлены следующие годовые оклады:

Таблица 14

Оклады содержания по временному штату ГУГШ. 23 мая 1919 г.⁸

Должность (звание)	Оклад (гривен в год)
Начальник ГУГШ (генерал)	36 000
Его осаул (генерал)	24 000
Его осаул (обер-офицер)	13 200
Для поручений (полковник)	19 200
1-й и 2-й помощники (генералы)	30 000
Начальники отделов (генералы, полковники)	21 600

Такой же оклад сохранялся у начальника Генштаба и на июль 1920 г.⁹

Членство в разных комиссиях давало генштабистам дополнительный доход. Например, председатель комиссии при ГУГШ по восстановлению чинов и разра-

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

² ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

³ Андрусишин Б.І. Церква в Українській Державі 1917-1920 рр. (доба Директорії УНР). К., 1997. С. 32-33. Выражаю благодарность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за предоставленный материал.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 974.

⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 24. Л. 398.

⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.

⁷ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 75-77.

⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 54. Л. 6.

ботке законопроекта о прохождении службы в армии УНР в ноябре 1919 г. получал 2700 гривен в месяц, а член комиссии от Генштаба – 1800 гривен в месяц¹.

В ноябре 1919 г. на Украине считались приемлемыми следующие размеры оплаты военно-педагогической работы: час лекции – 200 гривен, проверка на дому практических задач – 300, репетиции или экзамен – 400, практическая полевая поездка – 500 гривен².

Генштаба полковник В.Е. Змиенко за декабрь 1919 и январь 1920 г. получил в лагере в Луцке в качестве жалованья 800 польских марок и 4000 карбованцев³.

В апреле 1920 г. в Каменце-Подольском оклад военного министра полковника В.П. Сальского составлял 20 800 польских марок, минимальный оклад в военном министерстве составлял 8700 польских марок⁴. В апреле 1921 г. 1-й генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н.Д. Ещенко получал 20 700 марок, начальник оперативного управления полковник Б.И. Сулковский 14 700, начальник управления комплектования армии сотник Ю.В. Скорняков – 8105 марок, начальники управлений обучения войск подполковник Ю.В. Отмарштейн и военно-исторического – подполковник Б.Е. Снигирев получали 17 700⁵. Таким же был оклад 3-го генерал-квартирмейстера генерал-хорунжего Н.А. Капустянского⁶. Начальник отдела личного состава офицеров Генштаба полковник В.А. Сигарев получал 11 210 марок⁷. Оклады включали добавку на семью.

Соотношение польских марок и карбованцев составляло 1:10. Лента для пишущей машинки стоила 2000 карбованцев (200 марок), две свечи – 300 карбованцев (30 марок)⁸. Украинское командование поднимало вопрос повышения материального обеспечения офицеров в пять раз весной 1920 г.⁹

Сохранились и другие данные за май-июнь 1920 г., согласно которым военный министр В.П. Сальский получал 37 120 марок, его помощник полковник В.Н. Петров – 40 960, вр.и.д. председателя Высшего военного совета генерал-хорунжий Н.А. Коваль-Медзвецкий – 33 280, начальник ГУГШ генерал-хорунжий С.И. Дядюша – 44 800, начальник организационного управления ГУГШ полковник В.М. Куц – 22 400, начальник мобилизационного управления полковник Е.В. Мешковский и начальник мобилизационно-призывного отдела подполковник Б.Е. Снигирев – 29 120 марок¹⁰.

После смерти Мешковского его вдове была выдана справка о том, что он как 1-й генерал-квартирмейстер получал по 11 июля 1920 г. 13 750 гривен и 1600 гривен дополнительно, а также 30% добавку на семью¹¹. Младший офицер военно-исторического отдела ГУГШ в чине поручика по закону от 5 августа 1920 г. получал 7200 польских марок в месяц и 20% добавку на семью. Начальник геодезического отдела ГУГШ в чине сотника получал 9000 гривен в месяц и добавку на семью¹². Начальник управления укомплектования ГУГШ подполковник М.С. Пересада-Суходольский с 5 июня 1920 г. получал 2500 гривен, причисленный к Генштабу сотник В.П. Савченко с 27 мая 1920 г. получал 1600 гривен¹³. Начальник оперативного управления ГУГШ сотник В.Ф. Чабаневский и начальник управления укомплектования подполковник М.С. Пересада-Суходольский в июле 1920 г. получали 24 000 гривен и 1600 гривен суточных, начальник разве-

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 78.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 110.

³ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 1об.-2.

⁵ Там же. Л. 21об.-22, 24об.-26.

⁶ Там же. Л. 26об.-27.

⁷ Там же. Л. 25об.-26.

⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 58. Л. 29, 40, 42.

⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 1.

¹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 55об.-56, 58об.-60.

¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 175. Л. 10.

¹² Там же. Л. 1а, 3.

¹³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 4об.

дывательного управления подполковник Б.В. Снигирев – 31 200 и 2080 гривен соответственно¹. Прежний оклад Чабаневского до 1 июня 1920 г. составлял 10 000 гривен и 532 гривны столовых денег².

На 15 июня 1922 г. оклады составляли: у военного министра генерал-поручика Н.Л. Юнакова – 29 220 марок, у товарища военного министра генерал-поручика А.С. Галкина 21 540 марок, у члена Высшего военного совета (рады) генерал-хорунжего В.А. Синклера 19 740 марок. Минимальный оклад в военном министерстве имела журналистка – 3792 марки³. Слушателям курсов по подготовке штабных офицеров платили по 5000 польских марок в год⁴.

Бытовые условия службы украинских генштабистов (возможно, несколько утрированно) изложены генералом В.Н. Петровым при описании его встречи с генералом Н.Л. Юнаковым: «Узкими грязными лестницами поднимаюсь в маленькое помещение в две комнатки, где за открытыми дверями горит примус, готовящий несложную еду подчиненного мне по должности в далекой инстанции моего учителя и образца в военных взглядах, которому я год тому назад подчинялся как секретарь комиссии по образованию постоянных школ и академий Украинской Державы.

Ни минуты колебания, ни слова нареkania за то, что его так долго и несправедливо забыли, полная готовность выполнить приказ и стать на ту службу, на которую зовет его украинская власть и лишь одна просьба обеспечить врачебную помощь, чтобы на случай болезни, которая уже тогда выявилась у ген. Юнакова, не выйти из работы и тем не помешать делу.

И вот иду к авто, пропуская вперед старшего теперь по сравнению со мной начальника штаба головной команды войск украинских.

На протяжении трех дней, из ничего в пустых комнатах здания окружного суда в Каменце возник полный штаб со всем ему положенным и в помещениях нового штаба обсуждается сложный вопрос: Куда прорываться из “четырёхугольника смерти”»⁵.

Высший офицерский оклад в Русской народной Добровольческой армии С.Н. Булак-Балаховича, действовавшей в Белоруссии, составлял осенью 1920 г. 10 000 польских марок, оклад прапорщика – 4000, солдата – 150⁶. Высшие чины, начиная с начальников дивизий, получали средства на представительские расходы примерно в размере жалованья.

В армянской армии были установлены следующие оклады жалованья: прапорщик – 650 руб., подпоручик – 675 руб., поручик – 725 руб., штабс-капитан – 750 руб., капитан – 800 руб., подполковник – 850 руб., полковник – 900 руб., генерал-майор – 1000 руб., генерал-лейтенант – 1050 руб. Военные чиновники независимо от чина 750 руб.⁷ В январе 1919 г. ввели прибавку на дороговизну, которая рассчитывалась следующим образом – поступившие на службу до 1 сентября 1918 г. получали в качестве прибавки месячное содержание, поступившие на службу после 1 сентября 1918 г. получали сумму, равную произведению числа дней со дня назначения по 1 января 1919 г. на 1/120 месячного содержания⁸. С января 1919 г. было введено добавочное содержание по должностям: младшим офицерам – 50 руб., ротным командирам – 100 руб., батальонным командирам – 200 руб., командирам батарей – 250 руб., командирам полков – 350 руб. Командир бригады получал дополнительно 400 руб. Таким же было добавочное содержание по должностям начальника штаба дивизии, начальника

¹ Там же. Л. 20, 20об.

² Там же. Л. 45.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 510об.-511.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 31.

⁵ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 53-54.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 27. Выражаю благодарность А.С. Кручинину (Москва) за указание на этот источник.

⁷ Национальный архив Армении (НАА). Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 223.

⁸ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 7-7об.

отдела Военного штаба, генерала для поручений, постоянного члена Военного совета. Высший оклад добавочного содержания в 500 руб. получали начальник пехотной дивизии, начальник Военного штаба, помощник военного министра и председатель Военного совета¹. Генштаба генерал-майор И.С. Баграмов получал с июля 1919 г. как член Военного совета и помощник военного министра 500 руб. добавочного содержания по X разряду (наивысшему)². Таким же был высший оклад добавочного содержания начальника Генштаба³. Начальники отдельных бригад и комендант крепости Карс получали по 450 руб. добавочного содержания. Суточные при командировках с 20 января 1919 г. составляли 15 руб.⁴

* * *

В обстановке Гражданской войны материальный фактор являлся одним из чувствительных для жизни человека. Не были исключением и офицеры Генерального штаба, которым, как и всем остальным, тоже нужно было выживать и приспособляться к непростым условиям смутного времени. В Советской России в связи с проведением политики «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры для служащих, включая комсостав РККА, осуществлялось распределение продуктов в форме пайков. Пайки дополняли жалованье, получавшееся военными специалистами. В целом, материальное обеспечение военспецов было достаточно серьезным, и даже превышало обеспечение партийных работников – комиссаров, в том числе партийной верхушки, не исключая даже большевистского лидера В.И. Ленина. Впрочем, здесь не приходится говорить о том, что генштабисты находились на особом положении. Высокие оклады имели и другие категории специалистов. Все, что можно, новые хозяева России в Гражданскую войну, отдавали армии, порой даже за счет собственного благополучия. Однако материальное положение не влияло на идейный выбор офицеров-генштабистов.

В антибольшевистских армиях положение генштабистов было более тяжелым. Они не обеспечивались пайками, а оклады не поспевали за инфляцией. Обычным явлением была нехватка жалованья даже до прожиточного минимума. Несмотря на превосходное материальное обеспечение, тысячи военспецов, в том числе сотни генштабистов, бежали из Красной армии при первой же возможности⁵, что свидетельствует об отсутствии влияния материального фактора на их поведение, связанное как с идейным выбором в пользу антибольшевистских сил, так и с бесправным положением военспецов в Советской России, где жизнь и судьба бывших офицеров порой зависели от прихоти политработников и чекистов.

Материальное обеспечение представляется одним из значимых стимулов привлечения части офицерства на службу. При этом нужно четко понимать, что те офицеры, которые служили в Гражданскую войну исключительно из материального интереса, не были и не могли стать подлинными вождями, лидерами соответствующих вооруженных формирований, повести за собой других людей. Наемники едва ли могли принести тому лагерю, которому служили, пользу, сопоставимую с вкладом идейных борцов. В свою очередь отношение идейных борцов к подобного рода шкурникам не могло быть положительным. Общеизвестно, что лидеры большевиков, как и лидеры белого лагеря были бессребрениками. Хрестоматийным стал пример главкома ВСЮР генерала А. И. Деникина, ходившего летом 1919 г. в жаркой черкеске, поскольку у него изорвались штаны, а средств на новые не было⁶. Можно представить, как белый главнокомандующий и его окружение могли

¹ НАА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 226.

² НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 107.

³ Там же. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 60б.

⁵ Подробнее о переходах «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 209-253.

⁶ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 327.

отнестись к тем офицерам, которые во главу угла ставили жалование и готовы были продаваться тем, кто больше заплатит.

Уровень жизни населения в Гражданскую войну был в целом невысок, что обуславливалось как вооруженной борьбой внутри страны, так и социально-экономическим кризисом и его последствиями в виде дороговизны, дефицита продовольствия, одежды, топлива, медицинского обслуживания. Вместе с остальным населением страны страдали, приспособлялись и выживали представители старого офицерства, не исключая военную элиту дореволюционной России. С окончанием Гражданской войны их мытарства не прекратились, а последующие страдания и лишения были не легче. Поэтому не вызывает удивления фраза выпускника ускоренных курсов академии С.С. Ивановского: «Самый для меня благоприятный период жизни был во время Гражданской войны, где я был поглощен в свою деятельность и удовлетворен ей»¹. Таким образом, не будет преувеличением назвать период Гражданской войны лебединой песней старого Генерального штаба – последним периодом, когда, несмотря на бытовую неустроенность, он еще играл решающую роль в стране и в армиях всех воюющих сторон.

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25. Л. 30.